

ЛУЧШИЕ КНИГИ

Анна Джейн

КОШМАРНЫХ СНОВ, ЛЮБИМАЯ

БОЛЕЕ 200 000 ПОКЛОННИКОВ

Annotation

Джесс живет обычной жизнью: у нее есть хорошая работа, любящая семья и прекрасный бойфренд. И готовится к свадьбе и путешествию мечты.

Но она не знает, что скоро в ее счастливое настоящее ворвется сумасшедшее прошлое, а будущее окажется под угрозой.

На улицах начнут находить мертвых девушек с застывшими на лицах улыбками.

Чудовища покинут свои убежища и воплотятся в реальность.

А тот, чьи глаза сияют безумием, вернется и предъявит свои права.

И тихо скажет ей на ухо: «Кошмарных снов, любимая...»

Анна Джейн

Кошмарных снов, любимая

Моим новым друзьям, которых я узнала благодаря написанию этой истории.

- Твой страх самый сладкий.
- Твое безумие самое притягательное.

– Гадкая любовь, гадкая, гадкая, гадкая, – шептал он, водя пальцем по ее щеке. Его голос был глумливым и то исходил приторной нежностью, то источал злую усмешку. В узком заостренном лице, обрамленном угольными волосами с проседью, осталось мало человеческого. Тонкие и правильные некогда черты исказились, в лиловых глазах искрило безумие.

И все вокруг казалось безумным сном.

И отдающие эхом своды стен.

И выющиеся тени вокруг.

И звуки музыкальной шкатулки.

И тонкий аромат полыни, аниса и пряностей, словно кто-то только что разлил абсент. Однако разлито было сумасшествие. Оно же впиталось в пол, поднялось к потолку, вьелось в стены. Миллиардами молекул разлетелось в воздухе. Попадало в кровь. Оседало в душе алым румянцем.

«Пам-пам... Пам-пам-пам... Пам... Пам-пам-пам-пам...»

Музыка каплями падала в вязкую тишину.

Крепко связанная девушка, сидевшая перед молодым мужчиной на стуле, смотрела в его жуткое лицо со смесью страха и отвращения. Губы ее были разбиты, под спутанными длинными волосами запеклась темная кровь. Пульс частил. На висках крохотными каплями выступал пот.

Ей было страшно. Очень страшно. Так страшно, что душа трепетала в солнечном сплетении, мышцы заledenели (ударь – рассыплется), а глаза заволкло холодными слезами.

Только она их не чувствовала. Она вообще больше ничего не чувствовала, кроме его пальцев и дыхания на своей коже. И всепоглощающего страха.

Ей казалось, она привыкла к страху. Но это было ошибочным умозаключением. К страху смерти привыкнуть нельзя.

«Господи, почему?...»

– Ты пла-а-ачешь, – сказал мужчина нежно и стер слезы с бледной щеки, а после с задумчивым видом слизал их с пальца. Склонил голову к плечу, устремив глаза в высокий потолок, – ни дать ни взять гурман, распробовавший вкусное блюдо. Сладко, – сообщил он и принялся собирать слезы губами – с лица, шеи, ключиц, не прикрываемых больше футболкой – так сильно она порвалась.

От каждого этого мучительно долгого прикосновения девушку передергивало. Казалось, там, где побывали его губы, ее кожа начинала зудеть. А мужчина как будто бы и не замечал этого.

Ему нравилась делать с ней это.

Ему нравился ее страх.

Дыхание его стало прерывистым, тяжелым, и пару раз он прикусил ее кожу – так, что слезы смешались с кровью.

Ее кровь пьянила его. Ее запах сводил с ума – хотя, казалось, куда еще больше?

– Ты слишком сладкая, Кэнди. Чересчур.

Он положил указательный палец на ее нижнюю губу, оттягивая вниз и обнажая ровные белые зубы. И облизнулся довольно.

– Воссоединение... Я так скучал, – его голос был глумливым. – А ты скучала, Кэнди?

– Пожалуйста... – прошептала девушка едва слышно. – Пожалуйста...

– О чем ты просишь? – приложил он ладонь к уху, делая вид, что не слышит.

– Отпусти, пожалуйста... Пожалуйста, – ей было так страшно, что каждый звук давался с трудом.

Лиловые глаза сверкнули.

Ее похититель откинулся на спинку стула, сложив руки на коленях.

– Не могу, – честно признался он и потер подбородок. – Или... Да-да-да.

Тонкие губы растянулись в глумливой улыбке, на щеках появились ямочки – такие бывают лишь у веселых людей, которым часто приходится смеяться. Но кому нужны чертовы каньоны на щеках, если в глазах – ненормальность?

– Поцелуй меня. До головокружения. Сама. Тогда отпущу. Как тебе идея? Нравится? – он ласково коснулся ее оцарапанного колена и с сожалением убрал руку.

Девушка часто закивала, согласная на все, лишь бы выбраться отсюда живой. В ответ ей досталась улыбка, в которой обаяние крепко смешалось с омерзением. Как виски с колой.

– Сладко целуй, Кэнди.

Шкатулка замолчала, и мужчина, дернувшись, схватил ее и вновь повернул несколько раз ключ. Приложил к уху, чтобы музыкальная капель зазвучала вновь.

«Пам-пам... Пам-пам-пам... Пам... Пам-пам-пам-пам...»

Жуткая колыбельная пробирала до костей.

– Правда отпустишь? – немигающим взглядом уставилась в страшное лицо девушка. Темные спутанные волосы закрывали ей пол-лица. Из-за запекшейся в уголках губ крови казалось, что они опущены вниз. Ссадина на щеке была похожа на длинный шрам.

Она и сама сейчас выглядит сумасшедшей.

– Я тебе лгал? – пожал плечами мужчина, сунув руку в карман балахона.

В полутьме, поймав один из бликов, блеснуло острое лезвие ножа. Девушка инстинктивно сжалась, поняв, что это – конец. Она зажмурилась, но...

Но нож не коснулся ее плоти – разрезал лишь веревки, освобождая тяжелые затекшие руки и ноги. А после со звоном полетел на пол.

Ее натянутые нервы также звонко резонировали в ответ.

– До головокружения, – напомнил учительским строгим голосом мужчина и вновь сел на стул напротив, устало откинул назад длинные черные волосы, а после молча коснулся темных узких губ пальцем, незамысловато давая понять, чтобы она начинала.

Он ждал. Предвкушал. Наслаждался моментом. И глаза его заволокло от желания.

Девушка медлила. Ее все так же трясло от страха, и затекшие руки не слушались, однако она верила, что это может стать ее шансом. Шансом на спасение. И она должна преодолеть и слабость, и страх, и отвращение и сделать то, что он просит.

Должна?..

Должна.

Должна!

Неловко подавшись вперед, девушка, зажмурившись, коснулась его страшных губ с ощущением, что целует огромного разговаривающего паука или змею с человеческими глазами. Ей казалось, что за стиснутыми зубами кроются кишасщие отвратительные личинки. И они только и ждут, чтобы из его рта попасть в ее и найти дорогу в пищевод.

Ее затошнило от собственных мыслей и страха. Ужас плотной навязчивой пеленой

окутал тело, и сердце готово было взорваться от столь частых ударов, но... Ничего страшного не произошло.

Ни боли, ни омерзения.

Горячие мужские губы. Она ощутила на них легкий металлический привкус, который почти не чувствовался. Его перебивала полынь – как будто он недавно пил абсент.

Горько...

И притягательно – только в этом признаться не было сил. Он сводил ее с ума, похитил (или сделал так, чтобы она сама пришла к нему?) и скоро лишит жизни. Есть ли в этой болезненной притягательности смысл?

Ни нежности, ни симпатии, откуда взяться наслаждению?..

Она сходит с ума.

Девушка отстранилась. Глаза ее блестели, темные пряди прилипли к влажным щекам и шее, ноздри трепетали.

Мужчина едва заметно покачал головой. Не удовлетворен.

Он просил целовать до головокружения?.. Как?.. Ведь сам он не отвечал, оставаясь неподвижным. Демонстративно глядя в сторону. Наслаждаясь ее бесполезными попытками. Ее слезами. Ее унижением.

И она знала это.

Страх приливал в голову вместе с кровью, затмевая разум.

Нужно выжить. Любой ценой. Отомстить. Рассказать правду.

С этими мыслями девушка коснулась кончиками ноющих пальцев его щеки, как будто раздумывая, что делать. После встала на негнущихся ногах, затекших и не слушающихся, и, едва не упав, села к нему на колени, ненавидя и мечтая, чтобы он упал замертво... прямо сейчас... прямо здесь... оставив ее в покое...

Он выглядел как псих. И действовал как ублюдок. На если отбросить все это, казалось по ощущениям, что он – обычный мужчина.

Но как все это можно отбросить?!

Вьющиеся в углах тени беззвучно захохотали в ответ на ее бессвязные мысли. Шкатулка замолчала. Воцарилась призрачная тишина.

Девушка медлила несколько секунд, собираясь с силами, а после впиалась в его губы почти безумным поцелуем, сама не зная зачем укусив до крови.

Это спустило крючок. Курок освободился, и чувства выстрелили, полетели сквозь тело, разрушая разум.

Перед ее глазами мелькнула вспышка, и, если бы не его руки, она бы упала.

Шкатулка зазвучала вновь сама собой.

* * *

...серо-голубые глаза смотрят на нее с нежностью и любовью.

Его губы несмело касаются ее губ.

Их пальцы переплетены.

«Я люблю тебя», – легкий шепот щекочет ей ухо.

«Я люблю тебя», – так приятно соглашаться со взаимностью и падать в объятия друг друга.

Они лежат на его куртке прямо на земле, и всюду травы. Высокие травы скрывают их. Травы знают их тайну. Травы – всему свидетели.

Он повторяет ее имя. Целует ладонь.

Внутри ласковая акварельная осень, без ветров и с тоннами золотистого солнечного света. И снаружи – она же.

Прохладно. Небо низкое, синее, полное сил.

Пахнет яблоками, полынью и упоительно-горькими травами.

И перекасти-поле прыгает радостно, и внутри все тоже радостно и светло.

Ему не приходилось до нее ни с кем целоваться, и он неопытен, но ей это нравится. Он ничего не умеет толком и, кажется, стесняется, но его тянет к ней так же сильно, как и ее к нему.

Она держит его лицо в ладонях, и смеется звонко, и...

* * *

...и тогда он словно сошел с ума. Схватил ее за плечи, больно впившись пальцами в нежную кожу, жадно отвечая на поцелуй – так, словно это был последний поцелуй в его жизни. Неистовый, болезненный, сокрушающий.

Сумасшедший, как и он сам.

Поцелуй цеплял. Ненавистью, отчаянием, разрушительной силой.

Каждая мышца оказалась напряжена. Каждый нерв – оголен.

Внутри искрило.

И это было похоже на борьбу.

Девушка не помнила, как потеряла контроль. Не понимала, как стала получать от всего происходящего удовольствие – ломкое, хрупкое, как стекло, и такое же острое, опасное.

Ненормальное.

Она цеплялась за напряженные плечи мужчины, вскидывала вверх подбородок, разрешая оставлять на натянутой шее отметины, хваталась за волосы, шептала что-то совсем бессвязное.

Тонула.

Летела.

Ее пронзало насквозь – через легкие и сердце, вниз, сквозь живот.

– Кэнди-Кэнди-Кэнди, – хрипло говорил он в перерывах между поцелуями, опаяя ее кожу дыханием. – Что ты делаешь со мной, Кэнди. Слишком головокружительно...

А она, испытывая почти физическую боль от того, что ее похититель отстранялся, ловила его губы и вновь, и вновь целовала.

Целовала так, будто любила. Но точно знала, что ненавидела его.

Он отстранился первым и заботливо усадил девушку на свой стул. А она беззвучно заплакала – от неожиданного разочарования, попыталась вновь забраться к нему на колени, но он грубо отпихнул ее от себя и вновь откинулся назад, тяжело дыша и глядя на нее исподлобья.

Между ними повисла тишина. Тени затаились. Заулыбались.

Несколько десятков секунд ломки, и девушка пришла в себя, поняв, где она и что с ней. По телу, теперь уже не скованному веревками, прошла новая волна страха. Что на нее

нашло?! Стокгольмский синдром?

Тонкие пальцы коснулись горящих губ.

Нет, она не могла. Нет.

Мужчина смотрел на нее с умилением, будто читал мысли. Только лиловые глаза стали еще страшнее. В них не было бликов. В них не было ничего, кроме этого всепоглощающего сумасшествия.

– Отпусти, – попросила девушка едва слышно. Надежда уходила предпоследней – после нее уйдет ее тело.

– Отпущу, – легко согласился ее похититель. В его словах не было ни намека на правду. – Я обещал.

Она заломила руки. Пусть это закончится. Пожалуйста. Пусть, пусть, пусть...

– Иди, – широко махнул он рукой. И улыбнулся весело. Ямочки на его хищном лице казались совершенно лишними. – Иди же. Иди. Дверь там, – указал он пальцем с темным ногтем куда-то вправо.

Только тогда девушка поняла – что бы она ни сделала, как бы свободно ни было ее тело сейчас, он все равно убьет ее. Только сначала поиграет. И эта игра уже началась.

Веревки ничего не значат. Ей не спастись.

Он будет всюду. Он будет за ее спиной. Он будет в ее сердце.

– Ты тоже... – с трудом выговорила она, вспомнив всех тех, кто исчез. – Убьешь... меня тоже?

Он улыбнулся, встал, наклонился к ней, положив руку на спинку стула за ее спиной, и аккуратно лизнул щеку, оставляя на ней влажный след.

– Ну что ты, Кэнди. Что ты. – Лиловые глаза долго всматривались в ее испуганное лицо с потеками крови. – Что ты. Иди же.

Ее затрясло. Она замотала головой, залепетала что-то жалкое, просящее.

Мужчина резко схватил ее за предплечья и рывком поставил на ноги. Как куклу.

Она и была его куклой.

– Иди, – повторил он все тем же своим противным голосом. – Убегай. Ищи счастье, Кэнди! Со мной ты его не найдешь.

Черноволосый мужчина отошел в сторону, сложив руки за спину, и стал с интересом наблюдать, как она делает несмелые шаги, шатаясь и хватаясь руками за голую холодную стену.

Это было как во сне – ноги стали ватными, движения – затрудненными, и девушка с трудом передвигалась.

У нее была цель.

Собрав все силы, она нагнулась вдруг и подобрала упавший нож, о котором забыла на время безумного поцелуя, но о котором не забывала ни на миг после него. Рукоятка была ледяной, словно нож лежал в холодильнике. Но ей было все равно – девушка вскинула руку вперед и бросилась на мужчину.

Тот с хохотом поймал ее одной рукой, а второй схватил нож за лезвие, которое тотчас впилося в кожу. И легким движением вырвал холодное оружие из тонких пальцев девушки, забросив далеко, в густую тень в самом углу.

– А я думал, ты и не вспомнишь о нем, – покачал он головой, глядя по ее лицу окровавленной рукой и не замечая, что ранен.

– Подонок! – закричала девушка, пытаясь вырваться.

А он вдруг обнял ее, как игрушку, прижимая к себе, заставляя слушать стук своего сердца в груди. Закрыв глаза и нежно целуя в волосы, в висок. Что-то беззвучно говоря.

А после резко отстранился и, схватив с железного столика рядом шприц, без слов вколол его содержимое в сгиб локтя замершей девушки.

Последнее, что она увидела, – огромная тень отделилась от стены и шагнула к ним, улыбаясь и снимая шляпу.

Беспамятство спасло ее от безумия.

– Гадкая любовь, – шептал мужчина, покачивая и не отпуская девушку. – Гадкая, гадкая, гадкая...

«Пам-пам... Пам-пам-пам... Пам... Пам-пам-пам-пам...»

Несколько месяцев назад

Счастливая жизнь дается не каждому – кто-то борется за нее, вырывая желаемое из лап действительности. А кто-то наслаждается всем тем, что было дано ему при рождении, даже не задумываясь, какой ценой это получают другие.

Джессику Мэлоун считали счастливым человеком.

В свои двадцать семь лет она была хороша собой, уверена, умна, обаятельна и твердо стояла на ногах. Модный гардероб, телефон последней модели, хорошую машину, собственный дом в фешенебельном районе – все это она получила легко, не особенно напрягаясь. В свое время закончив престижный университет по специальности журналистика, Джесс легко устроилась в один из модных женских журналов и уже несколько лет успешно писала статьи и брала интервью у знаменитостей. Она была на хорошем счету среди коллег, умело противостоя сплетням и слухам, часто ездила в путешествия, покупала брендовую одежду, посещала семинары по саморазвитию и занималась спортом: два раза в неделю фитнес и два – йога. Кроме того, и ее личная жизнь не давала сбоев – вот уже два года Джесс встречалась с человеком, которого без преувеличения можно было назвать мечтой со скандинавскими корнями: высокий, голубоглазый блондин Эрик идеально подходил кареглазой темноволосой Джесс. Он был приятен в общении, вежлив, спортивен и внешность имел привлекательную, но совсем не слащавую. Но, самое главное, он был умен и, несмотря на возраст – ему еще не было и тридцати, преподавал в Нью-Палмерском университете на факультете физических наук.

Кажется, они оба были влюблены. Часто вместе отдыхали, имели общие интересы и не скучали в компании друг друга. И оба мечтали о большой семье. Кроме того, Эрик потрясающе целовался, был нежен и заботлив, проигрывая лишь одному мужчине.

Зимой они решили пожениться: Эрик присматривал дом, а Джесс составляла маршрут свадебного путешествия. Она давно уже мечтала о круизе по Средиземному морю.

Многочисленным подругам и коллегам по журналу оставалось лишь завидовать Джесс и ее идеальной, с их точки зрения, жизни.

Конечно, ее судьба сложилась так во многом благодаря помощи родителей, оказывающих большую поддержку: достаточно рациональных, чтобы дать старшей дочери свободу выбора, и достаточно консервативных, чтобы не дать этой свободе превратиться в неуправляемую анархию. Отец – преуспевающий бизнесмен, сделавший деньги на компании по переработке промышленных отходов, мать – типичная домохозяйка из высшего общества, занятая общественной жизнью: раньше она была главой Попечительского совета школы, в которой когда-то училась Джесс, участвовала в благотворительных акциях, а теперь, когда они переехали из тихого Краунфорда в огромный шумный Нью-Палмер, и вовсе возглавила собственный фонд помощи детям.

Если бы Джесс была мужчиной, от нее бы много ждали – по крайней мере, так говорил отец, но поскольку ей повезло родиться женщиной (утверждение матери!), то ряд обязанностей был с нее снят. Миссию стать наследником отца в управлении компанией возложили на младшего брата Тедда, а Джесс мечтала о должности главного редактора. И к этой цели медленно, но упорно шла. Терпения и трудолюбия ей было не занимать.

Она считала себя уверенным и бесстрашным человеком – до определенного момента.

...в тот день Джесс возвращалась домой после бурной вечеринки в ночном клубе поздно, за полночь. Девушка давно уже так не веселилась и не танцевала столько – даже скинула туфли на танцполе. А виной всему был день рождения ее коллеги и хорошей подруги Дайаны. Она привыкла праздновать с размахом и умела заряжать отличным настроением окружающих.

После бурного празднования домой Джесс привез таксист – из-за алкоголя девушка не решилась сесть на руль новенькой Chevrolet Spark. Всю дорогу она разговаривала с Эриком по телефону, откинувшись на мягкую спинку сиденья. Мимо стремительно проносились огни большого города – ночью Нью-Палмер был относительно пуст, но уже к семи утра на дорогах начинали собираться пробки – извечная проблема современного мегаполиса.

В крови непринужденно болтающей Джесс все еще пульсировал алкоголь, и от этого легко и приятно кружилась голова. Хотелось безумств и любви. Срывать поцелуи и срываться самой – с человеком, с которым она хотела связать дальнейшую жизнь. А он, как назло, уехал в командировку – на научный симпозиум по квантовой физике.

– Когда ты вернешься, я скучаю, – делано капризным голосом сказала Джесс. Ветер из приоткрытого окна трепал волосы.

– Завтра, милая, я ведь уже говорил, – напомнил Эрик спокойным голосом. Хоть ему и не нравилось, что невеста пьяна, он не выговаривал ей и не кричал, лишь мягко укорил и подшучивал над ее состоянием.

– Завтра наступит не скоро. Но когда наступит, ты всю ночь проведешь в моей спальне, – в шутку произнесла Джесс, и водитель, услышав это, улыбнулся. Стройная девушка с копной темных растрепанных волос казалась ему конфеткой, у которой вместо обертки – маленькое черное платье с открытыми плечами и накинутой сверху кожаной курточкой. Кому-то очень повезло.

– Приехали, – сказал он, останавливая машину около ее дома: двухэтажного, нарядного, с голубой крышей и асимметричным фасадом, окруженного ровным газоном – типичный дом уютного элитного пригорода.

Спокойного и безлюдного. Безопасного.

Как на открытке, над домом зависла большая круглая луна, вокруг которой на матовом темно-синем небе мерцали одиночные звезды.

Джесс рассчиталась, оставив водителю больше, чем было положено, и вылезла из такси, продолжая разговор с женихом.

Она не замечала, как тихо вокруг. Не обращала внимания на то, что свет фонарей стал тусклым и холодным. Не чувствовала, как во влажном ночном воздухе пахло тревогой.

Водитель, который вдруг испытал беспричинный страх, последний раз окинул идущую по каменной дорожке фигурку клиентки, легкомысленно шагающей на чудовищных каблуках, и поспешил убраться подальше.

Когда он оглянулся машинально, перед тем как завернуть за угол, то заметил, что во дворе дома брюнетки появилось огромное пугало, распахнувшее объятия в вечном приветствии.

«И зачем оно здесь?» – подумал водитель, а пугало внезапно помахало ему когтистой рукой. Мужчина, изумленно выругавшись, едва не врезался в раскидистое дерево, но вовремя вырулил. Он предпочел больше не оборачиваться, а быстрее свалить подальше.

Джесс неспешно шла к дому, задурманенная алкоголем и ни на что не обращающая внимания. Тревога лишь только начинала расти.

Ей бы сразу забежать в дом, но она останавливалась несколько раз, болтая с женихом, смеялась, твердила, что скучает.

– Ты приехала? – уточнил Эрик.

– Да, – сонно пробормотала Джесс.

– Отлично выспись. Я люблю тебя, – сказал он на прощание.

– И я тебя, – лениво согласилась девушка.

– Береги себя, – привычно напутствовал ее парень, и они одновременно отключились.

Джесс поняла, что что-то происходит лишь тогда, когда уже открывала дверь. Она осознала внезапно, что на нее кто-то пристально смотрит. Так пристально, что казалось, будто бы спину опалает пламя.

Ее охватил беспричинный страх. Животный. Липкий и противный.

Девушка обернулась резко и увидела около дороги мужской высокий силуэт. Некто, облаченный в мешковатый плащ и капюшон, держал в руках палку, похожую на посох, и смотрел на нее. Возможно, улыбался – разглядеть этого в полутьме было невозможно.

«Это еще кто?» – пронеслось в голове у девушки. Она не знала всех своих соседей, но сомневалась, чтобы кто-то из них выходил на ночные прогулки в подобном виде.

Глаза незнакомца мигнули алым адским всполохом, на лице появилась щель, светящаяся ядовитым зеленым светом – этакое подобие кривой страшной улыбки. Рука поднялась в приветствии – как у индейцев. И обладатель этого жуткого лица стал приближаться к охваченной ужасом Джесс. До Хеллоуина было далеко, да и не смог бы парень в костюме чудовища внушить такой иррациональный трепетный страх.

Незнакомец не шел – он словно летел, и полы драного плаща касались ровной глади каменной дорожки.

Джесс закричала пронзительно, громко, протяжно, и существо демонстративно закрыло уши и покачало головой, давая понять, что оно недовольно таким поведением девушки.

Она не помнила, как вытасила ключи и как повернула его в замке; как открыла дверь и оказалась в доме, слыша во дворе странный грохот; как схватила с кухни ножи и как бесстрашно кричала что-то, прогоняя и обещая прикончить:

– Пошел вон! Убирайся! Пошло прочь! Прочь, дрянь!

Кого-то страх усыпляет, вводит в оцепенение, окутывая и растворяя в себе, а кто-то под его действием вдруг начинает делать то, на что ранее не был способен.

Джесс бесновалась, как тигрица.

Возможно, виною всему был алкоголь в ее крови. Но никогда она не трезвела так быстро – почти мгновенно.

За дверью раздался свист. И наступила зыбкая тишина.

– Заткнитесь! – услышала Джесс вдруг голос ближайшего соседа, мистера Уайта. – Я вызову полицию, если не захлопните рты! Дайте поспать!

Неожиданная тирада соседа, который не узнал ее голос, успокоила Джесс. Лицо девушки покраснелось, волосы растрепались так, будто бы ими играл ветер, пульс стучал где-то в горле. Она выдохлась и подкралась к двери, включила видеомофон – камера над входом в дом не показывала никого постороннего. Все было тихо и привычно. И пусто.

А если современная техника просто не способна уловить нечто сверхъестественное?

Эта мысль пронзила Джесс током, но она тотчас сама себе с убеждением сказала:

– Чушь. Мир – рационален. Чушь. Чушь. Чушь! Чертов абсент, – вдруг вспомнила девушка алкоголь, который пила на вечеринке. – Проклятая Эйби.

Эйби была инициатором – давно хотела попробовать сей напиток, вызывающий, по словам некоторых, галлюцинации. «Фея гипно» – так называлась марка того абсента, который они пробовали?

– Никакого зеленого пойла, – усмехнулась Джесс. Теперь она была убеждена, что видела галлюцинацию, и от этого ей стало значительно легче. Но, несмотря на это, она включила всюду свет дрожащими руками и при этом держала при себе нож и телефон, готовая при надобности тотчас набрать «911».

Ничего не происходило. Никто не вламывался в ее дом, никто не звонил, не стучал. Ничьих голосов слышно не было.

Чудовищ не бывает.

Не бывает.

Бывает лишь шизофрения.

Джесс с твердой уверенностью в этом сделала себе кофе – крепкий и терпкий, как любила, и его аромат немного привел ее в чувство. Когда на кухне пахнет свежесваренным кофе, разве могут волновать какие-то чудовища?

Это ее фантазия.

Нет, это проделки мозга, на нейроны которого повлиял алкоголь.

Джесс никогда не думала, что какая-то настойка на полыни может вызывать галлюцинации, такие, какие не бывают, когда куришь травку – девушка пробовала ее еще в студенческие времена, и ни разу подобного не было. Или, может, она курила мало? Или травка была плохой, без приходов?

Если бы Эрик узнал об этом, был бы крайне недоволен.

Глава 2

С кофе и упаковкой соленого арахиса в руках Джесс завалилась в кресло, хорохорясь и пытаясь чувствовать себя бесстрашной – ну или хотя бы храброй. Она включила телевизор, попав на бейсбольный матч, голос комментатора которого успокаивал. Жаль, за эти команды Джесс никогда не болела.

Постепенно она успокаивалась. Ничего феноменального не происходило, и никакие красноглазые пугающие незнакомцы в капюшонах в ее доме не появлялись – исключительно в воспоминаниях.

Джесс убедилась, что во всем был виноват абсент. И девушка твердо решила – теперь не только его, но и алкоголь вообще она употреблять не будет. Свое психическое здоровье важнее.

Звонок испугал девушку так, что она вздрогнула всем телом, готовая драться до последнего с неведомой опасностью. Лишь пару секунд спустя Джесс поняла, что это всего-навсего телефон, и каждая напрягшаяся в ее теле мышца расслабилась.

Сумасшедшая.

– Ты добралась до дома? – тотчас спросила Дайана бодрым, как и всегда, тоном. На заднем фоне играл лаундж и раздавались мужские голоса. Джесс сразу догадалась – неугомонная подруга еще не закончила праздновать день рождения. Перебралась куда-то в более тихое место, подцепив двух пареньков – Джесс надеялась, что они все-таки совершеннолетние.

– Да, – осторожно ответила она, нервно откидывая со лба длинные темные волосы. Пальцы до сих пор подрагивали.

– А Вивьен?

– Что – Вивьен? – не поняла Джесс.

– Она поехала с тобой?

– Мы хотели уехать вместе, – подтвердила Джесс, – но в последний момент ей позвонили, и она решила встретиться с кем-то. – А что?

– Ее ищет Эш, – призналась Дайана. – Звонил уже раз пять и спрашивал, не знаю ли я, где она. До нее он дозвониться не может.

– Кажется, она кого-то себе нашла, – сказала Джесс. – Наверное, ее стоит прикрыть перед Эшом?

– Прикрою, – пообещала Дайана, усмехнувшись.

Вивьен была их общей подругой, которая работала в новостном отделе и в совершенстве знала мир шоу-бизнеса, поскольку именно о нем выходили новости в журнале. Ее парень Эш, с которым Вивьен вместе снимала квартиру в тихом Ривер-Плей, был человеком ревнивым и вечно пытался контролировать девушку. Поэтому его звонок не был неожиданностью для Дайаны.

– Надеюсь, он нашла себе кого-то получше этого придурка, – хмыкнула подруга, совершенно не волнуясь.

– Скажи, – несмело начала Джесс, которую абсолютно не интересовали отношения Эша и Вивьен, и куда большее место в ее мозгу занимала ее галлюцинация, – после абсента тебе не было... плохо? – аккуратно спросила она.

– Я просидела в обнимку с унитазом, – шепотом объявила подруга, явно не желая, чтобы

об этом слышали ее молодые кавалеры. – Тебе тоже было хреново?

– Было, – согласилась со вздохом Джесс. Она хотела было рассказать обо всем Дайане, но решила, что сделает это попозже.

– С днем рождения, – сказала она на прощание.

– Спасибо, дорогая, – поблагодарила ее Дайана и заторопилась:

– Парни ждут. Пока!

Они распрощались.

Джесс встала с кресла, огляделась внимательно и направилась по ярко освещенной комнате к барной стойке – налить еще одну порцию кофе. По пути она заглянула в окошко, боясь увидеть в нем кого-либо, но улица была совершенно безлюдной.

Джесс вернулась к телевизору, отчего-то избегая второго этажа с его темнотой.

Матч подходил к концу, и она слушала комментатора вполуха, одновременно листая инстаграм и на автомате нажимая на сердечки. Сеть и ТВ давали ей чувство сопричастности, и это чувство выдавливало из сознания страх. В мире со столь развитыми технологиями, в мире, где будущее будет виртуальным, нет места мистике и подобным глупостям.

Джесс выдохнула и продолжила путешествие по Интернету.

Майкл выложил фото с отдыха.

Лайк.

Мэган похвасталась новой прической.

Лайк.

Сьюзан и Ник сделали селфи. Первое совместное?

Лайк. Есть надежда, что у них все будет хорошо.

Джеверли подарили огромный букет роз.

Лайк? Нет, Джеверли этого не достойна.

Мэри-Энн наконец выложила фото своего ребенка.

Ангелок. «Он просто прелесть! Так похож на свою красивую мамочку:)».

Адам тоже выложил фото – старое, кажется, еще школьных времен.

Ла...

Палец Джесс замер над экраном.

«Ребята из школьного оркестра, Хэмптонская старшая школа. Отличное было время!» – гласила надпись под фотографией, а дальше шел долгий список тегов.

Джесс пригляделась.

Учеников на снимке было семеро: не весь школьный оркестр, а, видимо, лишь часть. Они стояли на фоне школы – кажется, на снимке играло сочными зелеными красками лето. Лица казались смутно знакомыми, что и не мудрено – она общалась с другими ребятами, из другого круга. За исключением Адама. В Краунфорде их семьи жили по соседству, а родители часто делали вместе барбекю.

В центре – сам Адам, темнокожий парень с шикарной улыбкой. На чем он играл? На трубе, кажется? Рядом с ним три девушки: несимпатичная постная блондинка и рыжеволосые испуганные близняшки – Джесс помнила их только потому, что они были похожи друг на друга. Чуть поодаль – трое парней: печальный азиат со скрипкой, имя которого девушка то ли забыла, то ли вовсе не знала, но помнила забавный акцент, радостно скалящийся тип с немытыми волосами до плеч и русоволосый парень с глазами-хамелеонами и одухотворенным выражением лица.

Ее грудь опалило огнем воспоминаний. А губы тронул холод дрожи, какая бывает,

прежде чем начинаешь плакать.

Джесс помнила, что эти глаза были то серыми – как асфальт, то голубыми – как озерная вода в солнечный день, то зелеными – как мокрый лист.

Менялись от освещения и настроения.

Она так давно не разрешала себе смотреть на его фотографии. Почти десять лет прошло... Джесс надеялась, что со временем обо всем забудется и его лицо – тоже забудется, но, как оказалось, это было иллюзией.

Как бы он сейчас выглядел, будь рядом? Улыбался бы все так же открыто и искренне? А руки его оставались такими же нежными?..

Страх вдруг совсем исчез – его затопила неконтролируемая грусть и паника.

Нет. Нет. Нет!

Девушка потрясла головой, силой воли заставляя себя перестать думать о нем. Она едва слышно выдохнула и поспешила закрыть приложение, а после вышла из своего аккаунта, зная прекрасно, что не помнит пароль наизусть и просто так теперь в инстаграм не зайдет, и фотографии на странице Адама тоже теперь не увидит.

Это было осознанное решение.

Сделав большой глоток кофе, который обжег и губы, и язык, Джесс начала бездумно переключать каналы и остановилась на прямом эфире новостей. Погруженная в свои мысли и в борьбу с самой собой, она слышала лишь обрывки новостей:

– ...бракоразводный процесс знаменитостей длился год, и теперь...

– ...предвыборная гонка начнется...

– ...найдена уже четвертая жертва, и полиция...

Последняя новость поймала Джесс в свои сети. Она очнулась от дум и уставилась в большой экран телевизора, на котором показывали общий план темной улицы, заполненной людьми с озабоченным выражением лиц и полицейскими машинами.

– Это уже четвертая жертва, найденная на улицах Нью-Палмера за последние два месяца, – говорила корреспондент оживленно, и в ее темных – почти как кожа – глазах стояла восторженная паника. – По словам независимых экспертов, почерк всех убийств один и тот же. Так же, как и остальные жертвы, это молодая белокожая женщина, убитая смертельной инъекцией неизвестного яда. Личность погибшей еще не установлена. Полиция допускает возможность появления в городе серийного убийцы, однако...

Когда камера сфокусировалась на носилках, на которых, судя по всему, в мешке лежало тело несчастной, Джесс переключила на другой канал, по которому показывали популярный ситком. Но долго она им не наслаждалась. Тогда, когда страх отступил и чувство опасности притупилось, тогда он и пришел.

Сначала это был стук в дверь. Легкий, почти невесомый. Джесс не сразу услышала его, а когда на цыпочках вышла в прихожую, сжимая нож и телефон, поняла вдруг, что дверь открыта и из-за нее тянет сквозняком.

Внутри у нее что-то оборвалось. Каждая жила заледенела. Каждый нерв напрягся, вытянулся струной.

«В доме – воры, – сама себе сказала девушка, сбивчиво дыша. – Ты должна уйти, Джесс. Выйти из дома и бежать к соседям. Вопить. Уайт сразу услышит твои крики».

Оглядываясь, девушка подошла к двери, готовая в любой момент сорваться и бежать прочь, но стоило ей коснуться ручки, как дверь вдруг сама закрылась. И замок повернулся – тоже сам собой.

Джесс поняла, что попала в ловушку. Она кружилась вокруг своей оси, пытаясь понять, где находится враг, тыкала ножом в воздух и добилась лишь того, что кто-то неподалеку бархатно рассмеялся. Плеча коснулись пальцы-невидимки.

Волосы на ее голове встали дыбом. Она закричала что-то надрывно и громко и, перестав себя контролировать, бросилась прочь, изо всех сил работая руками и ногами. Она добралась до окон во французском стиле – от пола до потолка, выходящих во внутренний дворик, и попыталась разбить, однако увидела вдруг, что за ним стоит пугало, похожее на распятого на кресте человека. Страшное садовое пугало, набитое соломой, с головой из холщового мешка, неровно зашитого посередине лица крупными стежками и напоминающего уродливый шрам. Глаза горели хищными алыми огнями. Когтистая рука поднялась в знак приветствия. На лице появилась щель – чудище ухмыльнулось. Оно послало девушке поцелуй, и на стекло осело ядовито-зеленое облачко пыли.

Джесс заорала от новой порции ужаса, почувствовала вновь на плече пальцы и побежала прочь, не разбирая дороги, зачем-то бросилась к лестнице и взлетела на второй этаж, все так же сжимая в руке нож – телефон выпал. Теперь она не могла выбежать на улицу, ведь там ее уже поджидают. Она должна спрятаться в доме. И должна вызвать полицию... спасателей... священников... кого-нибудь!

Девушка пулей влетела в спальню, не соображая, что делает, заперла дверь, залезла в шкаф, стянув со стола планшет, и, то и дело нажимая на кнопку включения, затаилась. Ей оставалось только молиться, чтобы планшет включился и в нем осталось хоть сколько-нибудь процентов заряда, чтобы она смогла набрать «911».

«Умоляю, помогите, умоляю!» – кричала она про себя, не чувствуя, как колет сердце и как тяжело дышать – словно в легкие засунули отвертку.

Загорелся синий экран, и в это же время в комнате раздались шаги, хотя никто и не открывал запертую дверь. Джесс с силой прижала ладонь ко рту, стараясь не вскрикнуть и надеясь до последнего, что то, что смогло проникнуть в ее дом, не заметит ее, пройдет мимо.

Вспыхнул яркий электрический свет. Дверь шкафа медленно отворилась. И тот, кто стоял сейчас напротив зажмурившейся, переставшей дышать Джесс, спрятавшейся за платьями, стал методично совать в шкаф руку.

Чужие пальцы коснулись воздуха.

Поймали рукав висевшего платья.

Прошлись над головой.

Едва не дотронулись скул.

Еще чуть-чуть – и задела бы предплечье.

– Куда она делась? – спросил хриплый шепот и втянул носом воздух. Раздались спешные шаги и звук вырываемой с корнями двери. А после все затихло – на полминуты. И раздались едва слышные стоны.

Джесс, с трудом преодолевая душасий страх, вылезла на четвереньках из шкафа. Она ожидала чего угодно, но не этого – около ее кровати лежал парень с раскинутыми в сторону руками. Он был без сознания. На серой майке алели кровавые разводы и потеки. На полу под ним также была лужа крови. Парень тихо стонал и натяжно глубоко дышал.

Сердце пронзило новой стрелой боли.

– Брент! – крик сорвался с губ Джесс и ударился о стены, создавая эхо.

Она неловко вскочила, подбежала к нему, опустилась на колени, не зная, что делать и как помочь ему.

– О боже мой... Боже... Brent! Brent, очнись, – зашептала она, то и дело поглядывая на черный проем и валяющуюся рядом с ним дверь. – Прошу тебя, умоляю, приди в себя...

Она схватила его за руку, пачкаясь в его крови и плача.

А он вдруг открыл глаза – стальные, в которых поставила свою печать боль.

– Джесс, – прошептал он, – это ты... Джесс?

– Это я, – говорила она, – пожалуйста, потерпи, я помогу тебе...

Она поцеловала дрожащими влажными губами его ладонь и прижала к своей щеке, наслаждаясь каждой долей секунды – подумать только, возможно, чудовище убьет сейчас каждого из них, а она не в силах противостоять физическому влечению к тому, кого полюбила почти десять лет назад. И, полюбив, оставила.

– Я помогу тебе, обещаю, Brent, слышишь? – сказала она и, вспомнив вдруг про планшет, ринулась к шкафу, сжимая планшет и набирая номер телефона службы спасения. – Я больше тебя не брошу!

И она верила в свои слова.

Но чудовище вернулось, стоило ей схватить планшет. Пугало ворвалось в комнату, внося затхлый сладковатый запах прогнивших овощей, и подхватило тело парня на соломенные руки, хохоча и повизгивая. Ударило несколько раз головой о стену. Вывернуло безвольную руку так, что послышался треск.

Джесс казалось, что она сходит с ума. Ее пронзительный визг рвал барабанные перепонки. Планшет выпал из ее ослабевших рук. Оператор на том конце провода все время повторял: «Что у вас случилось?» – но девушка не слышала его. Она огромными глазами, трясаясь всем телом и не замечая, что ее одежда окровавлена, смотрела на пугало, на крючковатом пальце которого блеснуло вдруг коготь-лезвие. Миг – и оно, улыбнувшись девушке щелью на лице, провело по шее Brentа, разрезая натянутую кожу.

Алым фонтаном брызнула кровь, пачкая стену.

Brentу повредили артерию.

– Отпусти его! – закричала не своим голосом, что есть мочи Джесс. Горло саднило от криков, душу – от ужаса. – Отпусти! Brent! Brent!

– Нет больше Brentа, – доверительно сообщило ей пугало скрежещущим голосом и разжало лапы. – У-у-упс.

Тело парня полетело вниз, но вместо пола теперь появилась черная дышащая холодом дыра. Оттуда слышался смех. Нехороший смех, визгливый, от которого по рукам бежали мурашки. Следом раздалось чавканье.

Дыра проглотила Brentа и захлопнулась.

Пугало, довольно ухмыльнувшись, двинулось к Джесс и схватило ее за горло, пережимая дыхательные пути и заставляя девушку судорожно ловить воздух. Во рту появился металлический вкус.

В глазах потемнело и...

* * *

– ...мы всегда будем вместе, Джесс? – спрашивает он в который раз, касаясь теплыми губами ее лба.

– Всегда, Brent, – обещает она, глядя его по предплечью. И вместе с ней его гладит

солнце, проникающее сквозь открытое окно. За окном шумит лес. И пахнет смолой и хвоей.

Она не выдерживает и целует его, нависнув сверху.

– Я сойду без тебя с ума, – шепчет он, обнимая ее. А она смеется.

Им так хорошо вместе.

И время хочется остановить.

Время пошло вперед...

...и Джесс проснулась.

Комната была залита ярким солнечным светом. Пахло выпечкой и ванилью – кто-то готовил на первом этаже, наверное, мама. Ничего необычного. Только вместо черного коктейльного платья – ночная хлопковая рубашка с озорной Минни-Маус.

Девушка, все тело которой болело так, словно она перезанималась в спортивном зале, вскочила как ошпаренная. Перед ее глазами все еще стоял окровавленный образ Брента. И она до мельчайших подробностей помнила все то, что только что происходило...

Пугало на улице, за стеклом, в комнате... Его скрюченные пальцы-коренья, его горящие алым глаза, его ухмылка, сводящая с ума.

...только что?..

Взгляд темных глаз Джесс метнулся на настенные часы – половина девятого утра, переместился вправо, вниз, влево.

Дверь стояла на месте.

Следов крови на полу не было.

Планшет лежал на столе.

И все страшное осталось там, во сне.

Это был всего лишь жуткий сон. Сон, и не более.

Джесс облегченно выдохнула и коснулась пальцами гудящих висков. Не стоило вчера столько пить.

Девушка нетвердой походкой направилась в ванную комнату и некоторое время вглядывалась в собственное отражение. Она выглядела так, словно долго не спала: мешки под глазами, впавшие щеки, серые тени на лице. К тому же растеклась тушь, слепляя ресницы, размазались тени, а от помады не осталось и следа. Словно и не была она вчера той заводной красоткой с алыми губами, которая пила яркие коктейли, танцевала под электронную музыку и притягивала мужские взгляды.

– Это был сон, – сказала себе она, замечая, что голос дрожит. – Запомни, Джесс Мэлоун, это был сон.

Кажется, сердце было несогласно – все еще стучало, как сумасшедшее, и девушка прижала к левой груди ладонь, пытаясь успокоить его.

Сбросив одежду, девушка вошла в душевую кабину и долго стояла под душем, смывая вместе с косметикой и потом остатки ночного кошмара. Любимый гель для душа с ароматом апельсина и кофе подарил ее коже немного бодрости.

Запахнув на себе халат, Джесс направилась вниз, мягко ступая по лестнице домашними тапочками.

Аромат выпечки усилился, но это вызывало лишь легкую тошноту.

– Ма! – крикнула делано весело Джесс, не желая выглядеть при матери расстроенной, но на кухне хозяйничала не она, а высокий широкоплечий молодой мужчина в кухонном переднике, который смотрелся на нем трогательно. Он умело орудовал лопаткой, переворачивая панкейки.

– Эрик? – изумленно спросила Джесс.

Молодой человек обернулся, и на долю секунды девушке показалось, что у него лицо

монстра – отголоски ночного кошмара не оставляли ее в реальности.

Но это была лишь новая ловушка иллюзии – с лицом Эрика все было хорошо.

– Сюрприз! Я скучал по тебе, Джесс, – широко улыбнулся парень, открывая объятия, зажав в одной руке лопатку, во второй – бутылочку арахисового масла.

Девушка бросилась в его объятия – не потому, что соскучилась, ведь не виделись они совсем немного, а потому, что после этого кошмара она чувствовала себя отвратительно и ей нужна была поддержка. Простое человеческое тепло. Слова.

Джесс с силой обняла Эрика за шею, прижимаясь к нему всем телом. Тот освободил руки и заключил ее в теплые объятия. От него пахло корицей и ванилью.

– А ты скучала, – по-доброму усмехнулся тот.

Видно было, что реакция девушки ему нравится.

Они отстранились друг от друга, и Эрик вдруг спросил, глядя ее по лицу:

– Что случилось, милая?

Он всегда чутко чувствовал ее.

– Плохой сон, – призналась Джесс, слыша нервозность в собственном голосе. – Почему ты не сказал, что приедешь утром?

– Это же сюрприз, – пожал широкими плечами Эрик, отодвигая стул для девушки. – Хотел порадовать тебя. Приготовить завтрак в постель.

– Ты донес меня на руках до спальни? – спросила она, косясь на аппетитные панкейки, которые не вызывали ничего, кроме отвращения.

– Нет, – нахмурился Эрик. – Ты спала у себя. А-а-а, – догадался он и мягко попенял, – ты выпила лишнего и ничего не помнишь? Джесс, милая, я не настаиваю на том, что ты должна вести здоровый образ жизни, но стоит знать меру. Это для твоей же безопасности.

– Да, – качнула головой девушка, не готовая спорить. Хотелось положить голову на стол и заснуть, чтобы не чувствовать головокружение и тошноту.

Глядя на нее, Эрик усмехнулся и приготовил горький крепкий кофе, который немного привел девушку в чувство.

Страх постепенно отступал назад, в темноту.

Это просто плохой сон...

Джесс пила кофе и слушала жениха, который веселым тоном рассказывал о симпозиуме и коллегах, не забывая о плите, а перед глазами стоял окровавленный полупрозрачный образ Брента, лежащего у кровати без сознания.

В какой-то момент Эрик захотел ее поцеловать, наклонился, упершись рукой в стол, но образ Брента в голове Джесс стал вдруг таким ярким, что на нее нахлынул приступ отвращения и иррационального ужаса. Руки Эрика казались чужими. Аромат корицы и ванили – приторно-удушающим. А все вокруг – чуждым и нелепым, лишенным смысла.

Не понимая, что делает, Джесс дернулась и опрокинула горячий кофе на стол и на себя. Белоснежный халат тотчас пропитался напитком, став грязно-коричневым на груди и животе. Девушка вскрикнула, но не от боли, а скорее от неожиданности, и вскочила на ноги.

Эрик среагировал моментально – схватил полотенце и попытался оттереть пятно.

– Сильно обожглась? – спросил он, нахмурившись.

– Нет, – мотнула головой девушка. – Кофе успел остыть.

– Видишь, алкоголь плохо повлиял на твою мелкую моторику, – улыбнулся Эрик, вытирая лужу кофе со стола и капли с пола. – Не подумай, что я что-то запрещаю тебе. Я лишь забочусь.

– Я знаю, – слабо улыбнулась Джесс. Все говорили, что ей повезло с женихом – красивый, умный, заботливый. Мать считала кандидатуру Эрика наиболее подходящей из всего окружения дочери. «Он любит тебя, – уверенно говорила она Джесс, не без основания считая себя достаточно зрелой и умеющей разбираться в людях. – И любит тебя гораздо больше, чем ты – его. Поверь, дорогая, это важно. Мужчина должен любить больше». Джесс всегда считала, что любить должны с одинаковой силой, однако маме свои мысли не озвучивала, держа их при себе. Мать никогда не узнает, что однажды Джесс любила – и любила с меньшей силой, чем должна была. А если бы любила с большей, то не сделала бы ошибок.

Девушка переоделась, не без внутренней опаски зайдя в спальню, словно вновь ожидая увидеть там окровавленного Брента – привет из прошлого, однако в комнате продолжало все так же ярко светить ласковое солнце, и не было ни намека на то, что кошмар может стать реальностью.

Когда она спустилась вниз, на ходу стягивая резинкой подсушенные волосы, Эрик захотел поцеловать ее вновь, и если всего несколько дней назад она спокойно отвечала на поцелуи, пытаясь быть нежной, то сейчас ее вновь охватила легкая тошнота. Касаться чужих губ не хотелось категорически. И даже то, что жених держал ее обеими руками за талию, доставляло дискомфорт.

Она уклонилась от поцелуя, опустив голову. Эрик, поняв, что что-то не так, медленно отстранился, убирая руки.

– Что с тобой?.. – внимательно посмотрел на нее он. Но ответить девушка не успела – в дверь позвонили. И она с неожиданным облегчением поняла, что вовремя.

Видимо, во всем виновато похмелье.

– Я открою, – сказал Эрик и направился к двери, а Джесс дрожащими пальцами взяла новую чашечку кофе, которую специально для нее приготовил жених.

Раздался щелчок, незнакомые мужские голоса, и Эрик вдруг позвал ее по имени, прося подойти. Джесс, не понимая, что происходит, и чувствуя лишь, как гудит голова, направилась в прихожую. Каково же было ее удивление, когда она увидела там двоих высоких крепких мужчин в штатском, которые сухо представились как старший инспектор Эрнандес и детектив-констебль Харрис из городского полицейского управления.

– Джессика Мэлоун, верно? Вам знакома Вивьен Батчелдер? – тотчас осведомился у ничего не понимающей Джесс детектив Харрис.

– Знакома, – ответила девушка осторожно. – Это моя подруга. Мы вместе работаем.

– Когда вы видели мисс Батчелдер в последний раз?

– Вчера, на вечеринке в честь дня рождения Дайаны Мортон. Мы вместе уходили домой. Господи, что случилось? – не выдержала Джесс.

– Вивьен Батчелдер найдена мертвой сегодня ночью, – сообщил ей старший инспектор. Джесс перевела беспомощный взгляд на Эрика. Тот обеспокоенно глядел на полицейских.

– Что?.. – тихо переспросила девушка, не в силах поверить в подобное. Голова предательски закружилась. – Что вы говорите? Но как... Как так?..

Быть не может.

Нет.

Эрик взял ее ладонь в свои пальцы и крепко, успокаивающе сжал.

– Мисс Батчелдер была убита, и, предположительно, вы – последняя, кто видел ее в

живых, – более мягко сказал старший инспектор, видя, что Джесс становится нехорошо. – Поэтому мы бы хотели поговорить с вами и подробно выяснить обстоятельства вчерашней ночи. Любая деталь может быть важной. Вы позволите? – спросил он, кивая на гостиную.

О таких вещах не следовало говорить на пороге.

– Да... – сделала шаг назад, в комнату, ошарашенная Джесс. – Конечно. Но... Я не могу поверить, – вдруг прижала она ладони к ноющим вискам. – Вы, должно быть, шутите.

Вивьен – яркая и красивая, типичная «зима» – белая кожа, синие глаза и черные волосы. Она веселилась вчера в клубе, привлекая внимание мужчин, смеялась и шутила, выглядела счастливой, строила планы, надеялась, мечтала, жила. А сегодня говорят, что Вивьен – нет?

Так... бывает?

Джесс не верила в происходящее.

– Соболезную, мисс Мэлоун, – без эмоций сказал детектив-констебль. Должно быть, им по несколько раз на дню приходится сообщать трагичные новости друзьям и близким, и у него выработалось здоровое безразличие и умение вежливо, но коротко говорить слова скорби.

Детективы пробыли достаточно долго, расспрашивая подробности, задавая один вопрос за другим, словно думая, что Джесс знает нечто такое, о чем не хочет им говорить. И она покорно отвечала, но все как-то больше механически, превратившись в ледяную скульптуру. С Вивьен они были знакомы несколько лет – почти одновременно пришли в журнал. Они не были столь близки, как с Дайаной, но Джесс считала ее подругой. А что теперь будет с Эшем? А с родителями Вивьен? А с ее мечтами и целями?

Она хотела свадьбу и ребенка, а еще планировала полететь в Париж, чтобы увидеть наконец его красоты, – накопила нужную сумму для рождественских каникул в Европе. А теперь...

Откуда ночью Джесс могла знать, что смотрит новости о смерти подруги? Если бы она только знала...

Что бы она смогла сделать? Переключить на другой канал?

Она могла не отпускать Вивьен после того, как они вместе вышли из клуба, планируя вдвоем поехать на такси домой.

* * *

На улице свежо и прохладно, а по ушам бьют смазанные звуки ночного города, которые по сравнению с гремющей, ударяющей по легким музыкой клуба кажутся тишиной.

Вивьен курит и улыбается. Алое платье и накинутая сверху темная кожаная куртка, малиновые губы и волосы цвета воронова крыла, угольные, с красной подошвой, туфли – кажется, она состоит из сочетания оттенков красного и черного.

Контрастная. Яркая. Живая.

– Ты любишь снег? – спрашивает вдруг Вивьен. В ее взгляде появляется мечтательность.

– Снег? – не сразу понимает Джесс. Она устала и хочет домой. Веселье было слишком утомительным. К тому же к ней постоянно клеились парни, и девушку это раздражало.

– Снег, – повторяет Вивьен. – Север. Свободу.

– Я тебя не понимаю, – улыбается Джесс. Ясно же – подруга перепила. Они все выпили лишнего.

– Я так его люблю, – говорит подруга, впуская в темноту струйку дыма.

– Эша? – уточняет зачем-то Джесс.

– Эша? – эхом повторяет следом на ней Вивьен и смотрит иронично. – Может быть, и

Эша.

Ее улыбка – счастливая. А глаза – горят.

Когда вдруг звонит ее телефон, Вивьен, глядя на экран, улыбается еще шире – еще чуть-чуть, и на губах появятся трещины. И в глазах взрываются чувства. Джесс даже немного завидно, что подруга так любит Эша, – ее чувства к Эрику совсем другие, более дружеские, более мягкие, более... постные. Он не вызывает в ней волну эмоций, он дарит спокойствие, а ей нужно, чтобы кровь будоражили, и чтобы в легких взрывался озон, и чтобы голова шла кругом.

Так было однажды, но как будто бы и не с ней.

Спокойствие – слишком скучно.

– Да, любимый, я приду к тебе, – говорит Вивьен срывающимся от счастья голосом по телефону, прощается нежно и говорит, что любит и скучает.

– Это не Эш? – вдруг догадывается Джесс.

– Это не Эш, – снова играет в эхо подруга.

– А кто? – она не может удержаться от вопроса.

Вивьен начинает смеяться, а потом вдруг щиплет ее за щеку. По-дружески, но больно. Джесс отстраняется.

– Езжай одна, – говорит подруга, небрежным жестом смахивая черные волосы с плеча, – мне нужно встретиться кое с кем.

Джесс колеблется, но Вивьен успокаивает ее:

– Мне пройти пару кварталов. Это же Хэвинктон – смотри, сколько народа.

Центр огромного мегаполиса никогда не спит, не делает различия во времени суток – это правда.

Они прощаются, целуя друг друга в щеку невесомым поцелуем.

Джесс идет к такси, не видя, что Вивьен смотрит на нее зло. Но это чувство на ее лице почти мгновенно смывается предвкушением.

Такси уезжает, и Джесс, глядя в окно, на цепочку огней и неона, тянущуюся вдоль зданий, звонит Эрику, хоть и знает, что тот, скорее всего, уже спит.

* * *

Информация о том, что Вивьен должна была с кем-то встретиться, необычайно заинтересовала детективов, и они долго выспрашивали у Джесс подробности разговора. Разговор она помнила не слишком хорошо – алкоголь притупил память, но одного девушка точно не забыла – Вивьен встречалась с каким-то парнем, в которого была влюблена.

После ухода детективов, которые пообещали, что вскоре, возможно, вызовут ее в полицейский участок, Джесс устало опустилась на стул и расплакалась. Эрика это расстроило, и он пытался ее утешить, как мог, – гладил по спине и говорил ласковые слова, давая понять, что он здесь и что он – ее поддержка.

Джесс стало все равно. То ли из-за Вивьен, то ли из-за Брента.

...у этого был лишь один плюс – Эрик больше не пытался поцеловать ее, понимая, что

сейчас это лишнее.

Весь день Джесс, обычно жизнелюбивая и энергичная, провела дома. Звонили друзья, коллеги, среди которых быстро распространилась новость об убийстве Вивьен, пытались узнать подробности, но с ними совершенно не хотелось разговаривать. Жизненная энергия куда-то пропала, настроение сделалось пасмурным, черным, как грозовое небо.

Эрик остался с ней, решив для себя, что невесте нужно его участие, а та просто лежала на кровати и то и дело мысленно прокручивала последнюю сцену общения с Вивьен. Не то, чтобы она себя винила, но чувствовала безнадежную тоску.

Слез отчего-то больше не было, лишь на сердце осталась тяжесть и горечь.

Хотелось справедливости. И чуда.

Иногда ей казалось, что в современном мире справедливость – это чудо. А она должна быть обыденностью.

Ночью Эрик остался в ее спальне – не делал никаких попыток к приставаниям, а просто лег рядом – как хороший друг и, пожелав спокойной ночи, уснул первым. А Джесс долго лежала, чувствуя тепло его тела, и думала, думала, думала...

Уснула она незаметно, с тревожным сердцем, и проснулась во сне, считая при этом его реальностью. При этом – совершенно привычной.

В этом сновидении она тоже находилась в собственной спальне, только за окном стояла не ночь, а раннее утро – рассвет пробивал дорогу в сизых облаках, и на востоке небо казалось расплавленным золотом.

Ей снилось, будто она проснулась, и первое, что Джесс почувствовала, – так это чужие руки, обнимающие ее и прижимающие спиной к чьей-то груди. За спиной раздавалось спокойное дыхание.

Девушка коснулась этих рук, четко поняв, что они – мужские. И, кажется, сильные, с выступающими венами, что ей всегда безумно нравилось. Не чувствуя страха или удивления, лишь непонятную щемящую нежность, Джесс повернулась лицом к тому, кто ее обнимал. Это был Brent.

Повзрослевший. Красивый. Любимый.

С той же копной светлых волос, светлой кожей, тронутой едва заметным загаром, шрамом на груди, под ключицей.

Последний раз Джесс видела его тогда, когда ему было семнадцать, и он запомнился ей юношей, который еще не до конца сформировался. Наивный, неопытный, преданный – как щенок.

Быть взрослым Brentу очень шло. Прошедшие десять лет добавили ему мужественность и особый шарм. Едва заметные морщинки-лучики около закрытых глаз, окаймленных светло-коричневыми длинными ресницами – она всегда завидовала им, куда более рельефные руки, плечи и грудь, татуировка на предплечье с ее именем и ловцом снов – Brent изменился, но оставался прежним.

Щенок стал взрослым псом.

Эта мысль рассмешила Джесс. Она, чувствуя себя совершенно счастливой, обняла мужчину, наслаждаясь простыми прикосновениями, как иные не могут насладиться наркотиками. Его тело было теплым, и, кажется, от него едва заметно пахло горькими травами – Джесс хотелось вдыхать этот запах вечно, вот так прижавшись к тому, кого она любила. Оказывается – до безумия сильно.

Она нашла в себе силы отстраниться и заглянуть в лицо Brentа. Спокойное,

умиротворенное. Любимое-любимое-любимое...

От такой близости у Джесс захватывало дух. И все было так реалистично, что она и подумать не могла, что это – сон. Да и не хотела она так думать.

Она коснулась его светлых волос, провела кончиками пальцев по линии скулы, дотронулась до подбородка с едва заметной щетиной. Сердце учащенно забилося, нежность стала болезненной, яркой, перерастающей в желание.

– Любимая, – прошептал мужчина, открывая глаза – красивые, ясные, голубые на свету. Он нисколько не удивился, увидев рядом Джесс, напротив, воспринял как должное. Коснулся ее плеча, ласково проводя пальцами вверх-вниз. Привычное, давно забытое движение.

– Brent, – улыбнулась девушка, понимая, что голова ее идет кругом от разрывающих на части будоражающих чувств.

Она давно не была так счастлива только от какого-то там взгляда и невинного прикосновения. Но это же Brent – она будет счастливой, просто пройдя по той же улице, что и он.

– Как спалось? – спросил мужчина нежно.

– Я скучала без тебя, – сказала тихо Джесс.

– Во сне? – улыбнулся он. На щеках появились ямочки. Ее сердце сжалось от умиления.

– Во сне, – согласилась девушка.

Brent, кажется, чувствовал нечто похожее – он не отрывал от ее лица глаз, пытаясь насладиться каждой секундой взгляда. Каждым мгновением.

– И я... скучал, – признался он и подался вперед, заключая Джесс в объятия. Он стал выше и сильнее и куда более уверенным, но и раньше, когда они оба были глупыми подростками, она доверяла его рукам, чувствуя себя в них надежно защищенной. И губам доверяла тоже – знала, что они не станут целовать никого, кроме нее.

И верила всему, что он говорит. А он верил ей. И, кажется, зря.

Brent, едва касаясь губами щеки, поцеловал ее, замерев и опалая дыханием кожу, и у нее по спине побежал электрический ток. Он мягко гладил девушку по спине, рукам, распущенным темным волосам, неспешно целуя лицо, исследуя губами ее скулы, подбородок, шею. И специально игнорируя губы, которые она от нетерпения едва заметно покусывала. Джесс могла лишь обнимать Brentа в ответ, боясь отчего-то сделать больно и позволяя играть с собой в столь милую чувственную игру без намека на пошлость. Весь тот воздух, который она учащенно вдыхала, стал невыносимо горячим. В солнечном сплетении стало жарко, и этот приятный, плавающий солнечный жар лишь разрастался с каждой секундой.

И душа ее тоже горела – ярким белым светом, и Brent, казалось, понимал это. Он изредка отстранялся и смотрел на нее, пытаясь запомнить каждую черточку лица.

Сначала Brent коснулся ее губ указательным пальцем, и Джесс, смеясь, поймала его и игриво укусила за верхнюю фалангу – они сидели на кровати друг напротив друга, ее колени обхватывали его с двух сторон, а его – касались ее бедер.

Джесс запустила обе руки в его волосы, и так растрепанные ее усилиями, а он наконец поцеловал ее в губы – и их словно пламенем опалило и одновременно обожгло льдом.

Не в силах больше себя сдерживать, Джесс ответила на поцелуй почти с отчаянием, в котором были разбавлены нежность, дерзость и страсть. Не та, пошлая, которая без любви, а беспросветная, безнадежная, болезненная, переполненная этой самой любовью и ломающаяся под ее гнетом.

Рассыпающаяся на части и разламывающая душу, как шоколад.

Та страсть, без которой все прочие чувства казались безликими, пресными, ненужными.

Джесс целовала Брента с упоением, не желая отпускать, наслаждаясь каждым прикосновением, исследуя его тело и желая изучить душу – так хорошо, чтобы она стала единой для них обоих. Она обнимала его за спину, гладила по ставшим рельефным рукам, хваталась за плечи, чувствуя, как кружится голова от переизбытка чувств, и боясь упасть, проводила ладонью по напрягшемуся животу, и разрешала ему делать с собой все, что он хочет, – а он хотел ровно столько, сколько и она сама. А дарил, возможно, куда больше, чем могла подарить в эти минуты она, зная, что позднее возьмет свое.

Он был обнажен по пояс, а она была одета лишь в тонкую полупрозрачную сорочку из тончайшего белого материала, но и она казалась лишней в эти минуты, сковывающей движения и не дающей сполна почувствовать его горячие ладони и настойчивые губы.

– Я люблю тебя, – сказал Brent тихо, крепко вдруг прижав Джесс. – Всегда буду любить.

Всего лишь банальные слова – как всегда, о любви, но Джесс словно обрела крылья.

Она верила.

Она любила.

И больше ничего ей было не нужно – кроме Brentа.

Она преданно заглянула в его глаза, собираясь с новым поцелуем подарить ему свою душу и забрать его, но вдруг услышала, как ее зовут по имени.

Комната померкла, солнце почернело, и темнота накрыла все вокруг.

А когда Джесс открыла глаза, поняла, что находится в своей комнате рядом со спящим Эриком, а за окном идет дождь и пасмурно.

Bent просто приснился ей.

Но только отчего так горели губы и все внутри источало жар – неужели во всем виновата ее фантазия?..

Джесс долго не могла сомкнуть глаз, лежа на боку и тихо плача.

Под утро она заснула, но ей ничего не снилось, кроме пустоты.

Следующий день выбил Джесс из сил.

Половину его она провела в полицейском участке, из раза в раз пересказывая одно и то же детективам, задающим бесконечное множество вопросов. Особенно сильно их интересовал телефонный звонок и тот таинственный человек, с кем Вивьен общалась той ночью около клуба.

Тот, с кем она встретилась, явно был в списке предполагаемых убийц.

– Вы уверены, что мисс Батчелдер разговаривала с кем-то по телефону? – уточнил темнокожий детектив, который беседовал с ней уже не один час.

– Вы задаете этот вопрос в тысячный раз! – не выдержала девушка, опуская руки на стол перед собой. В сером безликом помещении аккуратные ногти с ярким эффектным маникюром смотрелись до отвратительного чуждо. И Джесс сжала руки в кулаки, чтобы спрятать золотой блеск лака.

Детектив ничего не ответил, просто продолжал внимательно смотреть на девушку.

У копов к ней особое отношение. Она – последний свидетель, видевший Вивьен Батчелдер живой. Отлично.

Идеальная жизнь дала трещину?

– Да! Я уверена!

– Как вы это поняли? – продолжил детектив. – Могло ли быть так, что ваша подруга лишь делала вид, что с кем-то разговаривает?

– Нет, зачем? – пожала плечами Джесс, на которую холодные стены полицейского участка давили, заставляя чувствовать себя маленькой и ничтожной. И все эти вопросы-вопросы-вопросы...

Что они от нее хотят? Думают, она знает, кто убил Вивьен? Она ясно дала им понять – нет, не знает. Это тот, с кем подруга встречалась за спиной у Эша.

Или они хотят показать ей, что не стоило бросать подругу одну?

Эта мысль не давала Джесс покоя и мучила наравне с образом повзрослевшего Брента.

– У мисс Батчелдер были другие мобильные аппараты кроме этого? – детектив положил на стол смартфон, завернутый в целлофановый пакет.

Улика. Его нашли в сумочке Вивьен. А саму Вивьен нашли в сквере напротив магазина игрушек. Ирония.

Она лежала на земле в позе Витрувианского человека – широко расставив ноги и руки и глядя стеклянными глазами в смородиновое небо. Эш, который был на опознании тела, сказал Джесс, пряча глаза, что она улыбалась. Была холодная, как лед. И красивая – как Белоснежка в стеклянном гробу.

Ему сказали, что она умерла быстро, без мучений, и он сидел и плакал, закрывая лицо ладонями. А Джесс не знала, что сказать ему, и лишь касалась его плеча, выразительно переглядываясь с Дайаной. Они обе знали, что его девушка погибла, спеша на встречу с другим мужчиной.

Эшу не стоило знать этого.

– Другие аппараты? – повторила Джесс, глядя на телефон Вивьен в коралловом чехле со стразами. Где-то внутри него есть их совместные фотографии. – Думаю, нет.

– Почему?

– Этот мобильник она купила пару месяцев назад и очень любила его. Последняя флагманская модель, – пояснила она детективу.

Джесс вспомнилось, как подруга, копящая деньги на поездку в Париж, долго мучилась, тратить ли часть сбережений на эту яркую модную новинку или же нет. Проблему решил Эш – подарил телефон Вивьен на день рождения. Она была вне себя от счастья.

Джесс рассказа об этом детективу, и тот лишь кивнул, принимая к сведению.

– Вам известны еще какие-либо номера, принадлежащие мисс Батчелдер? – продолжал детектив.

– За все те годы, что мы общались, Вивьен не меняла номера телефонов, – твердо ответила Джесс.

– Были ли у нее фейковые аккаунты в соцсетях?

– Я о таких не знаю.

Детектив вновь кивнул.

И вновь стал задавать вопросы: точно ли она уверена, что у подруги не было с собой других телефонов, и помнит ли она точно, что именно этот телефон держала в руке Вивьен, и все-таки, может быть, подруга притворялась, что разговаривала, или, возможно, в телефон ее была вставлена другая сим-карта...

– Почему вас так это интересует? – не выдержала Джесс. Детектив спокойно вынес ее нервный взгляд и ответил:

– Потому что в это время на телефон мисс Батчелдер не поступало никаких звонков. Мы проверили распечатку телефонных звонков. Аппарат также «чист».

– Вы хотите сказать, я вру? – спросила девушка.

– Я хочу сказать, что пытаюсь прояснить ситуацию. Вы – последний свидетель, видевший мисс Батчелдер живой, и вы говорите, что при вас ей звонил человек, с которым она должна была встретиться в паре кварталов от клуба. Но этого звонка не было, мисс Мэлоун. На ее номер в это время никто не звонил, – подытожил полицейский. – А это значит, что у мисс Батчелдер был или другой телефон, или другая сим-карта, или...

Договорить он не успел.

Телефон Вивьен, завернутый в целлофан, вдруг ожил. Экран вспыхнул голубым светом, и раздалась приглушенная, как из шкатулки, мелодия – на экране высветился номер.

Джесс едва слышно вскрикнула, и даже, казалось бы, выдержанный детектив вздрогнул – он был уверен, что телефон разряжен после тщательного изучения специалистами.

И до рассвета я буду ждать,
Ловить губами твой алый снег,
И таять вместе с ним и кричать:
Я – человек, я – человек...

Казалось, женский голос из песни, поставленной на звонок, раздавался прямо за спинами: магнетический, притягательный и опасный.

Джесс никогда прежде его не слышала.

Детектив быстро пришел в себя, схватил телефон, провел по облепленному целлофаном экрану пальцем, а после прижал к уху.

Ответом ему была тишина. А после раздался скрип и завывание ветра – телефон

автоматически перешел в режим громкой связи.

– Говорите, – потребовал детектив, хмурясь. – Говорите!

– Говорить каждый может, – раздался тихий неестественный голос, похожий на хруст снега. – А исполнять желания?

– Кто вы? Вам знакома Вивьен Батчелдер? Вы...

Женский визг перебил его, захлебнулся и растворился.

Телефон выключился.

Детектив резким движением отнял телефон от уха и недоверчиво уставился на него.

Экран треснул.

– Что... Что это было? – испуганно посмотрела Джесс на мобильный телефон, чувствуя, как заledenели пальцы, и вдруг сказала, сама того не ожидая: – Вивьен спросила меня, люблю ли я снег...

– Что? – не сразу понял детектив.

– Снег...

Детектив не придавал ее словам особенного значения, занятый совершенно другим мыслям. Не понимая, что произошло, он поторопился выпроводить девушку и поспешил к коллегам.

Джесс на негнущихся ногах вышла из полицейского участка. После электрического холодного освещения и серых стен озаренная ярким солнечным светом улица казалась неестественной. И в голосе все еще слышался голос-скрип. Что случилось с телефоном?

Девушка открыла машину и некоторое время просто сидела, сложив руки на руле, давая себе время прийти в себя. Верить в то, что во время ее беседы с детективом позвонил тот, кто имел отношение к смерти Вивьен, категорически не хотелось.

В смерть Вивьен тоже верить не хотелось.

Хотелось верить, что все это – сон.

Девушка глотнула воды без газа – губы пересохли. Надо было ехать в редакцию, но мысль о том, что сейчас придется тащиться по вечным пробкам, заставляла нервничать.

Из всего того, что она видела и слышала, Джесс сделала вывод, что полиция считала убийство несчастной Вивьен делом рук серийного убийцы, о котором говорили все новостные телеканалы. Один и тот же почерк, обстоятельства, жертвы. Он выбирал девушек с белой кожей, от двадцати до двадцати семи, привлекательных, темноволосых, заманивал в укромные уголки и вкалывал яд. Следов сексуального насилия не было, однако у жертвы была смазана помада – как при поцелуе. А еще, как поняла Джесс, хотя, возможно, ошибалась, тела всех девушек были заморожены. Один из офицеров обронил, что убийства совершались в месте с очень низкой температурой, а спустя несколько часов тела оказывались на улице.

Слыша это, Джесс невольно начинала чувствовать холод в затылке и на шее. И страх. Она вдруг впервые подумала, что, возможно, убийцей был не тот человек, который звонил Вивьен около клуба, а кто-то совершенно другой.

Возможно, он выслеживал своих жертв и в ту роковую ночь размышлял – пойти ли ему следом за Вивьен или поехать за ней. Эта мысль ужасала.

Официальные власти, однако, несмотря на все это, пока что не признавали факт наличия в Нью-Палмере маньяка – как дал понять детектив Эрнандес, милостиво принесший ей кофе, никому не хотелось создавать панику. СМИ и без того раздували это дело, пугая горожан броскими заголовками: «Новый Джек-потрошитель среди нас!», и лично

мэр приказал отдал приказ полиции найти убийцу как можно скорее. Мэра можно было понять – до выборов на второй срок осталось совсем ничего.

За мэра Джесс решила не голосовать.

Она завела машину и не без труда вырулила на проезжую часть, вклинившись между двумя такси, почти тут же пожалев, что не воспользовалась метро. Нужно было сосредоточиться на вождении, а она думала о том, что произошло в полицейском участке, и о том, что она не была настолько пьяной, чтобы ей показалось, будто бы Вивьен с кем-то разговаривает.

И Brent – Brent не выходил из головы.

А его нужно было выгнать.

По дороге в редакцию журнала, которая располагалась на нескольких этажах небоскреба в деловом сердце города – Рок-стрит, Джесс позвонила Дайана. Пришлось включать гарнитуру.

– Ты как? – спросила Дайана. От веселого голоса подруги не осталось и следа.

– Паршиво, – созналась Джесс. – В участке меня держали несколько часов.

Она поведала, что произошло в полиции, – непривычно сбивчиво для себя. Рассказала о том, какие странные вопросы задавали полицейские, о том, как зазвонил и треснул телефон.

– Мне страшно, – призналась вдруг Джесс, почувствовав вдруг на себе пристальный взгляд.

– Нам всем страшно, дорогая, – вздохнула Дайана. – Я не хочу... прощаться с Вивьен.

Джесс тоже не хотела.

Она перевела взгляд на зеркало заднего вида, решив перестроиться для поворота, и вдруг увидела, что на заднем сиденье сидит пугало.

То самое, ночное.

Жуткое, с алыми искрами вместо глаз, шрамом посредине головы из мешка и с вылезшей соломой из дыр на джинсовом потертom комбинезоне.

Пугало ухмылялось.

Джесс закричала от накрывшего ее ужаса.

Ее руки примерзли к рулю, тело одеревенело, легкие забыли, как дышать.

Пугало вновь помахало рукой и прирыло уши от новой порции дикого крика девушки. А после приложило к светящемуся кривому рту когтистый палец неуклюжей ладони, похожий на корень дерева.

Тело Джесс окатило волной жара.

Судорожно пытаясь вдохнуть воздух ртом, она, не помня себя от страха, попыталась открыть дверь машины – дергала и дергала ее, но та никак не поддавалась. А когда все же открылась, оказалось, в этом ей помогло чудовище – оно стояло около автомобиля, галантно поклонившись. И Джесс едва не попала в его объятия.

– Не трогай меня! – закричала она, срывая связи.

– Незачем так кричать, – раздался шепот Пугала, пугающий и ироничный. Оно достало из-за спины шпопанный огромный мешок. – Унесу, – прошептало оно ласково.

Джесс попыталась забраться обратно в машину, боясь даже коснуться чудовища и крича, крича, а оно рассмеялось.

Дальнейшее превратилось во вспышку безумия. Время остановилось. Пространство исказилось и замерло. Воздух стал стеклянным.

Чучело потянулось к ней – от него пахло чем-то горьким: луговыми дикими травами и

абсентом. Джесс изо всех сил отбивалась, переползая на пассажирское сиденье, пытаясь открыть дверь, разбить стекло, и руки – не корни деревьев, вставленные в соломенные рукава, а теплые человеческие руки пытались поймать ее и запихнуть в мешок.

В какой-то момент это получилось. И Джесс поглотила темнота.

Ее взвалили на спину и понесли.

Кто-то насвистывал простую едва знакомую мелодию.

Страх сковал и руки и ноги и парализовал горло, заставляя замолчать, и Джесс с тоской вдруг поняла, что не может больше сопротивляться. Она в ловушке. Она не сможет выбраться. Она обречена.

И умрет.

Мешок швырнули, и Джесс ударилась головой.

А потом она открыла глаза и поняла, что сидит в автомобиле, уронив голову на руль, и на лбу жжется, а по щеке течет что-то вязкое и липкое. Позади гудят машины, а из гарнитуры доносится обеспокоенный голос Дайаны:

– Джесс! Джесс! Что случилось?! Джесс, с тобой все хорошо?!

Девушка облегченно вздохнула, поняв вдруг, что уснула за рулем.

– Все хорошо, – прошептала она и вновь потеряла сознание.

* * *

Когда Джесс не может заснуть, Brent напевает для нее мелодию из старого романтического фильма и целует в щеку, и тогда ей становится спокойно и тепло. Он гладит ее по волосам, по спине, плечам – осторожно, мягко, будто боясь причинить вред. И смотрит влюбленно.

Иногда только место нежности занимает внезапная страсть – он срывается и не может себя контролировать, целуя и обнимая Джесс так, будто в последний раз. Она обожает, когда это происходит, – вместе с ним срывается и она сама...

Кто бы только знал, что она, одна из самых популярных девушек старшей школы, проводит свободное время с Brentом Элмером, незаметным парнем из школьного оркестра. Это стало бы сплетней года.

Но какая им разница, что Джесс Мэлоун проводит с ним время, если она в него влюблена?

Пока что они встречаются тайно, и никто не знает об этом, но после школы все изменится.

Джесс хочет быть с ним всегда. Она готова подарить ему свою вечность. А он говорит, что уже подарил ее.

Brent нежный и ласковый. Ему все равно, из какого бутика ее платье, какой марки машина и сколько зарабатывает отец. Он не думает о других девушках и интрижках. Для него Джесс – самый важный на свете человек. Он терпит ее капризы. Он любит ее капризы.

Любит ее саму.

А она отвечает ему взаимностью.

Они понимают друг друга с полуслова.

Они не могут быть друг без друга.

Они счастливы.

– ...я не смогу тебя отпустить, – шепчет Джесс, уткнувшись лбом в грудь Brenta, и тот гладит ее по волосам. – И ты меня не отпускай.

– Не отпущу, – обещает он. Его ладонь замирает на ее затылке. – Никогда. Если мы расстанемся, я всегда буду рядом.

Джесс отстраняется и с возмущением смотрит на Brenta. Эта мысль кажется ей дикой.

– Ты сошел с ума? – спрашивает она, упиравшись в его грудь ладонью. – Мы не должны расставаться.

– Не должны, – легко соглашается Brent.

Их губы соприкасаются. Джесс прикрывает глаза.

Он не красавец и не имеет ничего общего с Джеймсом, капитаном футбольной команды, который пытается растопить ее сердце медвежьими методами. Brent не так высок, не так широк в плечах, не так обаятелен. Он не улыбается белозубой широкой улыбкой, не имеет толпу фанаток-старшекласниц, не находится на верхушке школьной иерархии. Он незаметен, живет в собственном мире, не пуская никого в свое пространство. Он играет в школьном оркестре, а не на футбольном поле. Он умен и рассудителен, а не силен и задирист, ему важна любовь, а не секс.

Он – все, что ей надо. Он – то, что ей надо.

Он – ее.

– О чем ты думаешь? – тихо спрашивает Brent, касаясь губами ее щеки – слегка щекотно и до умопомрачения приятно.

– О том, что мне повезло, – честно говорит Джесс и добавляет внезапно, отстранившись: – Я хочу татуировку. С твоим именем.

– Не порть кожу, – слышит она в ответ.

– Но я хочу!

– Тогда я сделаю вместо тебя, – говорит он и указательным пальцем неспешно убирает с ее плеча лямку сорочки.

Джесс смеется.

Brent целует ее – мягко, настойчиво, заставляет лечь на лопатки. И Джесс тонет в нем, тонет в своих чувствах и ощущениях, не сопротивляясь и наслаждаясь каждой секундой.

Если бы ее подружки знали, какой Brent Элмер на самом деле, они бы думали только о нем. Как и она сама...

Глава 5

Джесс пришла в себя уже в больнице, и первым, кого она увидела, был Эрик. Мать и отец приехали позднее.

– Джесс, ты как? – он взял ее за руку, глядя встревоженными голубыми глазами.

– В порядке, – проговорила она пересохшими губами, пытаясь осмотреться. Электрический свет был слишком ярким. Голова казалась тяжелой, виски ныли, а лоб болел. И горло саднило – словно от сильных криков.

– Что со мной?

– Ты попала в аварию, – Эрик прижал ее ладонь к своей щеке. – Ты уснула за рулем, милая. Ударилась головой. У тебя сотрясение. Ничего страшного.

Вот оно как... Уснула за рулем.

– А с машиной... что? – спросила девушка, касаясь свободной рукой лба – голова была пере-вязана.

– Почти в порядке, – уклончиво отозвался жених. – Впереди немного помялось. Я все улажу. Не переживай, Джесс.

– Спасибо, – закрыла она глаза. Перед внутренним взором предстал образ чудовища, сидевшего на заднем сиденье.

Тотчас ей вспомнилось все – как она отбивалась, как ее запихали в темный мешок, как несли куда-то.

Джесс передернуло от отвращения и страха.

Это была галлюцинация? Или снова очередной кошмар?

– Что такое? – жених, казалось, чувствовал все, что с ней происходит. – Это из-за Вивьен, верно?

– Наверное, – сглотнула Джесс. – Мне страшно. Эрик, пожалуйста, не уходи никуда. Побудь со мной. Пожалуйста.

Ухмылку пугала страшно было забыть.

«Унесу».

Джесс охватил новый приступ испуга, и она поняла, что даже дышит с трудом. Пульс зашкаливал. Виски заламывало.

– Я останусь с тобой, – согласился Эрик и прищурился. – Эй, Джесс, что такое?

– Мне очень страшно, – повторила она, цепляясь за его ладонь. – Очень.

– Тебе не стоит бояться, – сказал он и, видя, что Джесс не в себе, позвал доктора с просьбой поставить невесте успокоительное.

Лекарство подействовало довольно быстро, и девушка вновь провалилась в сон.

Ей снилось, что она неспешно шагает по осколкам тускло сверкающих звезд, разбросанных по темно-синему бархатному ночному небу. Звездная дорога вела сквозь горизонт, к арчатым воротам, сотканным из ветра и северного сияния, около которых ее ждет мужская фигура.

Джесс была облачена в свободное полупрозрачное сапфировое платье до колен, которое сверкало под светом тонкого месяца и отсветов города, раскинувшегося внизу под звездной дорогой. Волосы ее были заплетены в косу, в которую вплеталась белая лента. Босыми ногами она ступала на прохладные гладкие, как зеркала, осколки и легкой походкой шагала вперед, дыша легко и свободно.

Брент ждал ее в конце пути.

На этот раз он был в белой рубашке с закатанными рукавами и в брюках и казался совсем взрослым и презентабельным.

Засунув руки в карманы, Брент ждал Джесс и улыбался. А стоило ей подойти к нему, счастливо улыбаясь в ответ, как он протянул ей руку и пригласил на звездный танец.

Они закружились в объятиях друг друга, ступая по осколкам звезд и неотрывно глядя друг на друга. Он вел, уверенно и галантно, держа Джесс нежно и осторожно – как и десять лет назад. И она, с восторгом глядя ему в глаза, двигалась легко и грациозно, совсем не стесняясь того, что платье ее пошито из полупрозрачной легкой, как дуновение ветра, ткани.

Небесный танец закончился также внезапно, как и начался.

Над их головами раздался вдруг стук. Брент, коснувшись губами лба Джесс, остановился, держа ее за талию, и поднял, нахмурившись, глаза вверх. Девушка перехватила его взгляд и тоже задрала голову.

Сквозь небесное стекло на них внимательно и недобро смотрел кто-то огромный и стучал кулаком в перчатке по этому самому стеклу, пытаясь его разбить. Джесс вдруг показалось внезапно, что она видит маску снеговика, и это ее испугало. Она теснее прижалась к Бренту, словно ища у него защиты. Он успокаивающим жестом коснулся ее спины, и страх моментально прошел.

Она всегда верила Бренту.

Стекло треснуло под очередным ударом снежного чудовища.

– Мы встретимся, – шепнул Брент Джесс, прежде чем небесное стекло рассыпалось на миллиарды осколков.

Один из них, сияющий и искрящийся, падал прямо на Джесс, но Брент оттолкнул ее, и осколок наполовину вошел в его тело, пронзая насквозь. Он рухнул на колени, опираясь руками о поломанную звезду и опустив голову.

На город закапал кровавый дождь.

Наверху захохотали громом.

– Брент! Нет! – упала перед ним на колени Джесс, трясущимися руками касаясь его напряженных твердых плеч. Ее кожу выше запястья опалило болью – оцарапал один из крохотных осколков, но девушке было все равно. Она думала только о Бренте, и до собственной боли ей не было дела.

Платье ее посерело. В волосах блестела стеклянная пыль. Улыбка пропала. И сердце сжалось от горького предчувствия.

– Что делать, что делать, – беспомощно шептала Джесс. – Брент...

Он поднял голову. Из-за упавших почерневших прядей сверкнули лиловые глаза. Джесс едва сдержала себя, чтобы не отпрянуть назад. Брент протянул дрожащую окровавленную ладонь с выступающими венами и коснулся ее предплечья.

Небо вдруг перевернулось.

Они стали падать.

Джесс пыталась схватить Брента за руку, но он растворился в осколках и сизой дымке.

Когда ноги Джесс коснулись земли, она распахнула глаза.

Девушка все еще находилась в больнице, в своей одиночной палате, из окна которой можно было увидеть блеклый грязно-оранжевый рассвет.

Сумасшедший сон...

Джесс попыталась встать, и это у нее получилось не с первого раза – так кружилась

голова. Что там говорил Эрик? Сотрясение?

Самого Эрика нигде не было. Возможно, он все-таки оставил ее и уехал домой, и Джесс отлично его понимала.

Возможно, все еще находясь под действием успокоительного и, не чувствуя ставшего уже привычным страха, она подошла к двери и вышла в длинный коридор. Ей показалось, что тень вдалеке имеет форму огородного пугала, но, кажется, это был обман зрения.

Когда Джесс вернулась к себе в палату и вновь заснула, ничего ей больше и не снилось, как бы сильно ни хотела она увидеть Брента вновь.

Брент-Брент-Брент...

* * *

Следующие дни были серыми и страшными. Прощание с Вивьен, похороны и понимание – ее больше нет. А есть дело в полицейском участке с присвоенным ему номером, есть свидетели, опросы и показания, и есть новая жертва, найденная в городе – в паре кварталов от больницы, в которой в ту ночь проводила время попавшая в аварию Джесс.

Паника, вопреки желаниям властей, усиливалась, и средства массовой информации почти с удовольствием обмусоливали происходящее, едва ли не мифологизируя. Полиция не бездействовала, а работала в усиленном режиме, привлекая к делу лучших специалистов, однако видимых результатов не было.

Джесс не захотела оставаться в больнице и на время перебралась к родителям. Она лежала на кровати в своей старой спальне, спокойная от того, что знала – в доме всегда кто-то есть. Вставать ей не разрешалось – единственным исключением за последние дни стали похороны Вивьен, куда Джесс приехала вместе с Эриком. Он же поддерживал ее, не давая упасть от головокружения тогда, когда гроб с телом подруги опускали в землю.

Джесс чувствовала вину – вместо того, чтобы скорбеть, она не могла думать ни о чем другом, кроме как о подступающей к горлу тошноте. Она ужасно боялась, что прямо здесь, прямо сейчас ее вывернет наизнанку.

В какой-то момент ей показалось, что на нее кто-то смотрит, и когда Джесс обернулась, увидела, как мелькнула между надгробиями чья-то мужская фигура. После ее голову пронзила такая головная боль, что она едва не упала, повиснув на Эрике, и тот только крепче прижал ее к себе.

– Потерпи, милая, – прошептал он, едва касаясь губами обрамляющих лицо темных прямых волос. – Скоро уедем...

Как потом она добралась до дома родителей, Джесс плохо помнила – она запоздало плакала, сидя на заднем сиденье машины Эрика, но в ее слезах была не только скорбь по Вивьен.

Она безмерно скучала по Бренту и, кажется, только сейчас осознала это в полной мере за все прошедшие десять лет.

К Вивьен она хотя бы могла приходиться, а Брент не имел и этой роскоши. Они могли встретиться лишь в ее памяти и теперь – во снах.

Кем бы он мог быть сейчас, если бы не она? Кем бы работал? Был бы женат? У него были бы дети? А они все еще оставались бы вместе?

Да, если бы не ее глупость, не ее наивность, не ее ошибка, они были бы вместе и стали

бы самой счастливой парой. Она родила бы ему ребенка. Или двоих – мальчика и девочку, он ведь хотел большую семью. Думать о детях для Эрика ей было страшно.

В какой-то момент Джесс поняла, что хочет увидеть Брента не только во сне. Но она не знала даже, жив он или мертв.

Надежда давно растворилась, как порошок в воде.

Брент снился ей еще несколько раз, но бессвязными урывками, и сны эти девушка не запоминала, как ни старалась. Что-то постоянно мешало этому.

В память ей вьелся только один сон, яркий, как вспышка, и такой же короткий.

Брент сидел на подоконнике в одних джинсах и задумчиво смотрел на озаренный закатом город с высоты. Увидев Джесс, он поманил ее к себе, не сводя светлых глаз и улыбаясь уголками губ, и едва только она сделала шаг по направлению к Бренту, как в окне, за его спиной, появилась голова знакомого пугала. Оно скалилось.

Джесс хотела предупредить Брента об опасности, хотела закричать – но не смогла. Громкий звук телефона разбудил ее, вытащив из сна, – Эрик звонил ей каждое утро. И каждый вечер, на радость маме, приезжал.

Честно говоря, Джесс не очень хотела его видеть. Целовать его ей было неприятно, почти противно, и она с удивлением осознала однажды тот факт, что рада сотрясению – это стало отличной отговоркой, чтобы не ложиться с Эриком в одну постель.

Тот если и замечал холодность и отстраненность невесты, то списывал это на ее плохое самочувствие и эмоциональную травму. По крайней мере, так хотела думать Джесс.

В какой-то момент, когда Брент совсем перестал сниться ей, она стала искать информацию о том, можно ли вызвать сон с желаемым сюжетом и как это сделать. Джесс много читала об осознанных сновидениях, о непонятных практиках, пыталась следовать инструкциям, но у нее ничего не получалось, а когда все-таки она увидела во сне Брента, стоявшего на обрыве, ее вновь разбудили посередине ночи – словно кто-то кинул камень в окно. Она все время потом просыпалась – по нескольку раз за ночь, тяжело дыша и чувствуя иррациональный страх. Иногда девушка просыпалась от собственного крика. С ее снами творилось что-то неладное.

Устав от всего и все еще желая увидеть во сне Брента, Джесс в какой-то момент вдруг решила на отчаянный шаг – тайком взяла в комнате матери снотворное и выпила, надеясь, что теперь ничего ее не отвлечет. Она словно с ума сошла, и почему так делает – сама не понимала. Возможно, если бы Джесс не совершила этого, не решила бы самовольно пересечь черту, отделяющую реальность от мира сновидений, ничего бы не случилось.

Но тяга увидеть Брента, пусть даже во сне, пересилила здравый смысл.

В ту ночь, когда снотворное заменило чай перед сном, Джесс сильно пожалела, ибо тогда и начался ее самый страшный кошмар.

Очутившись в стране Морфея с одним-единственным желанием увидеть Брента вновь, она встретилась с тем, кто лишь вселял в нее ужас.

Он называл себя Темным Пугалом.

В ту ночь она долго не могла заснуть, комкая край одеяла в кулаке и думая о Бренте, и лишь снотворное матери заставило ее закрыть глаза.

Открыла их Джесс уже в другом, казалось бы, мире.

Она стояла в поле, над которым нависли вечные сумерки.

Ни солнца, ни луны, ни звезд, одни лишь темные низкие облака всюду, которые вот-вот, казалось, упадут на землю.

Духота, безветрие, тяжелый запах полыни. Травы вокруг были желтые, завядшие, сухие – наверняка земля неплодородна.

Где-то слышалось хриплое карканье ворон и неспешное тиканье гигантских часов.

Джесс огляделась, чувствуя, как быстро стучит ее сердце.

Это сновидение было слишком реалистичным. Слишком пугающим. Злым.

И было ли оно сновидением? Или она попала в другой мир?

– Зачем ты пришла? – вдруг спросил знакомый шепот за плечами.

Джесс в панике оглянулась, сжав кулаки. Никого за ее спиной не было.

– Я тебя не звал сегодня, – раздался голос около другого уха.

Девушка вновь резко обернулась на звук и вновь никого не увидела. А потом вдруг заприметила вдаль, в поле, силуэт покачивающегося соломенного пугала.

Она прижала дрожащие руки ко рту.

Но было поздно.

Пугало заметило ее. И, высоко подпрыгивая, отталкиваясь руками, как животное, поскакало к ней.

Вороны замолчали.

Небо вздохнуло.

И Джесс поняла вдруг – если она хочет жить, то должна бежать.

Она сорвалась с места. Бежала так быстро, как только могла, изо всех сил работая руками и ногами.

Жесткая сухая трава колола босые ноги, высокие пожелтевшие стебли хлестали по бедрам, как кнуты, пытались схватить за запястья, щиколотки, но Джесс неслась вперед, не давая поймать себя.

Гигантские часы отбивали секунды все громче, сливаясь с ударами ее сердца. А может быть, это оно билось так громко и так неистово, отмеряя ей последние секунды.

Пугало мчалось следом, издавая повизгивающие смешки. Оно то отставало, то ускорялось, почти догоняя девушку, радостно ухало – вело свою охоту.

Джесс с легкостью перепрыгнула засохшую канаву и оказалась на земле, черной и жирной. Она в панике огляделась и поняла, что попала на кладбище – стройные ряды одинаковых надгробий тянулись до самого горизонта. Однако Джесс не могла позволить себе остановиться. Страх перед пугалом оказался сильнее страха перед могилами. И она помчалась вдоль надгробий, сбивая ноги в кровь.

Пугало вдруг прыгнуло над ее головой и приземлилось прямо перед остолбеневшей Джесс, приземлившись на колени, из дырок на которых вываливалась солома, и упираясь руками в землю.

– Тебе не стоило приходить, – мягко сказал голос за спиной девушки.

Оголенного плеча ласково коснулись чьи-то пальцы.

Джесс закричала страшно, отчаянно, почти безумно, развернулась и помчалась в другую сторону, к осколкам врезавшегося в землю самолета, чей силуэт чернел в полутьме. Позади него, кажется, виднелся дом.

До него она, однако, не добежала – опора под ее ногами вдруг пропала, и Джесс, на долю секунды зависнув в воздухе, упала в глубокую сырую яму. Перед ее глазами лишь мелькнуло надгробие с золотыми светящимися буквами: «Моя Кэнди».

Джесс лежала животом на скользкой земле. Казалось, от сильного удара воздух вышел из легких, все тело ломило, ступни жгло, но девушка нашла в себе силы встать на

четвереньки, а затем – на колени. Ладони ее хаотично заскользили по земляным стенам, безуспешно пытаясь найти выход.

Она упала в выкопанную для кого-то могилу.

Не для нее же, верно?..

Сверху раздался хохот.

Джесс подняла голову и с ужасом увидела, как над ней склоняется пугало, тонкая ядовито-зеленая полоска, заменяющая рот, растянулась от уха до уха.

Ему было весело.

Последнее, что она видела, перед тем как потерять сознание, – когтистую неуклюжую руку пугала, которую то глумливо протягивало ей.

Пальцы-коренья извивались, как червяки.

Джесс падала, падала, падала...

И проснулась, тяжело дыша.

В комнате ее дома было тихо, темно и очень холодно из-за открытого окна.

С гулко бьющимся сердцем и ощущением грязи на всем теле после падения в могилу Джесс встала, поспешила включить нижний свет и подошла к окошку, из которого дуло так, что тонкие марципанового цвета шторы шевелились.

Где-то далеко протяжно завывала собака, и девушка поспешила закрыть окно, за которым царил тьма, разрываемая вдалеке тусклыми огнями, похожими на светящиеся точки.

– Я не должна бояться, – сказала Джесс собственному отражению в круглом зеркале изящного туалетного столика. Она выглядела более изнеможенной, чем обычно: осунувшееся лицо, бледная кожа, синяки под уставшими глазами. Да и голос был хриплый, испуганный.

– Не должна, – повторила она, сжимая руку в кулак. Что-то казалось ей странным, неправильным.

Она не видела, как отражение кивнуло ей в ответ, взяло со столика заколку с цветком лилии, подаренную Вивьен, и закололо на темных густых волосах. Поправило пряди, обрамляющие лицо, улыбнулось, склонив голову набок.

Джесс, не выключая свет, легла в кровать, на спину, и со вздохом закрыла глаза, подумав, что ей пора обратиться к психотерапевту.

Только тогда, когда тени на стене зашевелились, приобретая очертание пугала, а тело вдруг сделалось тяжелым, набитым ватой и перестало слушаться, она вдруг поняла, что ее смущало с самого момента пробуждения.

Она засыпала в доме своих родителей. Так почему же проснулась в своем доме?

Ловушка?!

Пугало, выйдя из тени стены напротив, лишь развело руками.

Алые глаза его, не мигая, смотрели прямо в ее лицо.

– Ты сама этого хотела, – раздался голос у самого уха Джесс. – Ты сама. Сама. Сама...

Пугало облизнулось. И вдруг стало приближаться, и тени тянулись следом за ним, липнув к распростертым в объятиях рукам, как паутина, растягиваясь и рвясь.

– Нет, – прошептала с трудом Джесс, объятая животным ужасом и умирающая от страха. – Нет...

– О да. Меня зовут Темное Пугало. А тебя...

Когда чудовище склонилось над ее лицом, обдав запахом горьких трав, Джесс зажмурилась. И вновь, проглоченная темнотой, полетела куда-то.

...туда, где властвовала сама вечность. Вне времени и пространства.

Ее отражение вышло из зеркала, став полупрозрачным, и спокойно шагнуло к задумчивому Пугалу. Улыбнулось, надело на его голову из холщового мешка черную шляпу и улыбнулось, с любовью глядя на прошитое грубыми стежками лицо с угольками глаз.

Пугало улыбнулось в ответ.

И, кажется, даже подмигнуло.

Комната Джесс сложилась пополам, и еще раз, и еще – как флаг, и превратилась в кирпичик дома, стоявшего за кладбищем.

Подул ветер, поднимая черную пыль, и вскоре все вокруг заволочло темнотой.

А после – пропало, словно и не было тут ничего. И никогда.

* * *

Джесс не любит неудачников. Но никогда не опускается до открытых издевок и оскорблений лузеров. По большей части ей все равно, главное, чтобы они жили своей жизнью – никчемной, а она – своей, яркой и полноценной.

Джесс любит себя.

Джесс любит танцы, особенно вог, и благосклонна к чирлидингу, потому что состоит в команде поддержки. Она состоит во множестве клубов и везде старается выделиться.

Джесс любит восхищенные взгляды, журналистику, театр, ванильное мороженое и пиццу.

И, кажется, она любит Стивена Бэнкстона из школьной футбольной команды.

Они ходят на свидания, но у них еще ничего не было, и белокурая Аманда, глядя в зеркало и рассматривая свое обнаженное тело, говорит ей в раздевалке:

– Как можно начать встречаться, если вы еще не спали?

Она искренне так считает, но на это Джесс только пожимает плечами, нанося на губы блеск. Аманда – королева школы, и Джесс – ее лучшая подруга, тайный манипулятор, истинный лидер.

Они обе – элита школы. Лучшие ученики – и в учебе, и в спорте.

Им нет дела до других. И до друг друга тоже порой нет дела.

– Прежде чем переспать, мы должны лучше узнать друг друга, – говорит Джесс мягко. Стивен хорош собой, но высокомерен. Джесс пытается оправдать это высокомерие, но пока что получается плохо.

– Ты слишком носишься с этим, – уверенно заявляет Аманда. – Потому что твоя мать – католичка.

– Потому что я – принципиальная.

– Глупая, – хлопает ее по щекам Аманда. – Ты молода, красива и свободна. Оставь принципы серым мышкам и уродинам. Это их отговорка. Не упускай свой шанс, живи в полную силу, детка, – она подмигивает Джесс и наконец начинает надевать белье.

Свой шанс Аманда не упустила – она подружка Джеймса Уорнера, капитана футбольной команды. Они – самая яркая пара выпускного класса, самая яркая пара школы. И на выпускном обязательно будут королем и королевой.

Девушки, разговаривая и смеясь, выходят из раздевалки, юные, свежие, пахнущие персиковым гелем для душа, и их встречают Джеймс и Стивен. Они тоже друзья. Их тренировка только что закончилась.

Стивен небрежно кладет руку Джесс на плечо, словно невзначай касаясь кончиками пальцев груди, хотя ей и не слишком нравится это, и они идут по коридору, залитому солнцем. Джеймс, обнимающий щебечущую Аманду, вдруг оборачивается на Джесс, и взгляд его зеленых глаз ей не нравится – слишком он внимателен, слишком игрив, слишком настойчив порой.

Джесс против того, чтобы парень подруги оказывал ей знаки внимания, но как сказать об этом Аманде, она еще не знает. Но точно знает, что парни не должны помешать их дружбе. Хоть пусть эта дружба и пластилиновая.

Они вчетвером проходят мимо учеников из низа школьной иерархии, и в одной из девушек со спутанными черными волосами и густо подведенными глазами Джесс узнает подружку из младшей школы, но не здоровается с ней.

Они давно уже не здороваются.

Над лузерами не издеваются, их просто не замечают.

Параллельные вселенные не соприкасаются.

Проходя мимо и слушая Аманду, Джесс вдруг запинается. Казалось бы, сильные руки Стивена не удерживают ее, и она летит вперед. Один из парней в компании лузеров вдруг подхватывает ее и не дает упасть.

Его руки – теплые. И он легко удерживает ее на весу.

Их взгляды встречаются, и тогда-то Джесс видит самые красивые в своей жизни глаза насыщенного голубого света, только еще не знает об этом. Она чувствует, как ее тело пронзил слабый ток, и понимает, что с ее душой становится что-то не так, но не осознает только что зародившихся чувств. Джесс смущена из-за собственной, несвойственной ей неловкости, но держится молодцом. Дарит спасителю улыбку – такими улыбками она не разбрасывается просто так. Аманда охает и заботливо спрашивает, все ли в порядке.

– Не лапай чужих девчонок, придурок, – с угрозой говорит Стивен, который зол на себя за то, что не смог удержать подружку, но вымещает злость на лузере, имени которого он даже не знает.

– Я просто помог, – возражает спокойным голосом тот.

– Ты просто получишь по морде, – заводится Стивен, и Джеймс, рассудительный и куда более сдержанный с виду, успокаивает его.

– Остынь, чувак, – говорит он, глядя при этом на Джесс и словно не замечая того, кто не дал ей упасть. – Затеешь драку – очередной визит к Риччи обеспечен. Ты ведь помнишь о камерах?

Риччи, или Ричмонд Эллион, – школьный директор, делающий ставку на индивидуальный подход к каждому ученику. Он неоднократно делал замечания Стивену, и слова друга убеждают его не тратить силы на какого-то придурка, чтобы потом тащиться в администрацию. Риччи привык читать долгие нудные нотации, пытаясь воззвать к совести ученика, в отличие от предыдущего директора, который просто повышал голос, за что и был убран с должности не без помощи Попечительского совета.

Аманда, Джеймс, Стивен и Джесс уходят, оставляя компанию лузеров позади.

Не выдержав, Джесс все-таки оглядывается, и их взгляды с ее спасителем вновь сталкиваются.

Ей становится тепло на душе.

Она не знает еще, что уже влюблена.

Подул легкий ветер.

Джесс распахнула глаза, надеясь проснуться.

Но снотворное не дало ей этого сделать – кошмар еще не кончился, и девушка поняла, что находится в лабиринте с высокими стенами из черно-белых плит, от которых несло прохладой. Над ее головой высился огромный стеклянный купол, над которым застыло фиолетовое небо, на нем кружилось солнце. Ноги Джесс, теперь обутые в симпатичные туфельки с бантиками и небольшими каблучками, стояли на скользком белом каменном полу, начищенном до такой степени, что она видела свое отражение в нем. Кто-то надел на нее короткое закрытое плиссированное платье темно-кофейного густого цвета с длинными рукавами, украшенными манжетами. На ноги натянули белые гольфы, а на руках оказались такого же цвета перчатки. Джесс была похожа на ученицу из пансионата прошлого века. Если, конечно, они одевались так.

У аккуратного круглого ворота было вышито белыми нитками: «Сладкая».

– Где я? – прошептала Джесс, касаясь ладонью холодной стены.

Ответа не было. Лишь позади раздался неясный гул, заставляя ее идти вперед.

Джесс долго петляла по лабиринту, то забегая в тупики, то натываясь на потайные двери, то бредя меж колонн и под арками. Она выбилась из сил, волосы ее на висках стали влажными из-за пота, затаившийся страх участил сердцебиение.

Она и не поняла, как оказалась вдруг в самом сердце лабиринта, перед огромной стеклянной клеткой, в которой стоял человек, босой и обнаженный до пояса.

Присмотревшись, Джесс поняла вдруг, что это – Brent. Вновь повзрослевший. С татуировками и окрепший.

Она кинулась к нему с немим криком, прижимая ладони к ледяному стеклу.

Brent держал в руках нож и улыбался ей светло и тепло. Как и раньше. Он сказал ей что-то, но она не слышала, что.

Тогда Brent поднес нож к своей руке, и кончик лезвия с легкостью вспорол кожу ниже локтя, как кусок ветчины. Джесс в панике замотала головой.

– Нет! Нет! Не делай этого! Нет! – лихорадочно кричала она, стуча кулаками по стеклу.

Но Brent не слушал ее – или не слышал, так же как и она его? – и вырезал на руке буквы, одну за другой, не отрывая взгляда от девушки.

«Спаси меня», – вырезал он на собственной коже. Выронил окровавленный нож и сложил пальцы в знаке сердца.

На него нахлынула волна тьмы, скрывая с головой. Она вырвалась из стеклянной клетки и в очередной раз поглотила переставшую сопротивляться Джесс.

Тьма понесла ее вместе с собой, успокаивая и даруя забвение в боли.

Когда тьма внезапно отхлынула, превратившись в пыль, Джесс распахнула глаза, поняв, что находится в своей старой комнате в доме родителей и за окном разгорается день.

Кошмар закончился. Время действия снотворного завершилось.

– Спаси меня, – едва слышно прошептала девушка, вспоминая кровавое послание Brenta, и в голову вдруг закралась мысль: а если он жив, но ему нужна ее помощь?

Нет, не может быть.

Десять лет прошло, как он пропал без вести, и если до сих пор не нашли его тело, есть

ли надежда, что он еще жив?

Надежда ведь должна умереть последней, верно?

«После меня, – подумала вдруг Джесс. – После меня».

Она поднялась с постели и коснулась рукой волос, поняв, что они заколоты заколкой. Той, что подарила ей Вивьен.

Джесс сняла заколку и положила ее на подрагивающую ладонь. Серебряная лилия с шестью лепестками холодила кожу. Джесс никогда не любила лилии, больше предпочитая розы и орхидеи, но Вивьен сказала, что эта заколка – ручной работы, которую она нашла в лавке старьевщика.

Отказываться от подарка Джесс не стала, но надевала заколку всего лишь раз, и тогда они ужасно поссорились на свидании с Эриком – в первый и в последний раз в жизни. Эрик сказал, не зная, что это подарок, будто бы лилия – символ смерти. А Джесс доказывала, что это символ чистоты и добродетели. Эрик просил снять заколку, Джесс отказывалась, и в итоге они поругались.

Время все расставило на свои места. Эрик оказался прав. Крест из лилий скорбно белел на похоронах Вивьен.

Джесс прикрыла глаза, до боли сжимая заколку. Ноги ее дрожали после сна, который она помнила сейчас до мелочей. Горло пересохло. Вена на шее часто пульсировала, готовая вырваться из-под кожи.

– Я схожу с ума, – прошептала девушка.

Дверь в спальню открылась без стука, и ей почудилось, что на нее смотрят два пылающих алых глаза. От неожиданности и беспричинного дикого страха Джесс вздрогнула и уронила заколку, которая со звоном упала на пол.

Это оказался всего лишь Эрик. Он вошел в спальню, улыбаясь, но едва лишь он увидел девушку, как улыбка сошла с его лица.

– О боже мой! – прижала руки к груди Джесс. – Это ты!

– Это я, – подтвердил Эрик, хмурясь. – Что такое? Опять... сон? – голубые глаза внимательно оглядели фигуру невесты. – Что с тобой происходит?

Он подошел к Джесс и взял за плечи, глядя в ее потерянное лицо.

– Что случилось? Ты сама не своя в последнее время.

– Я... – Джесс отвела глаза и уставилась на заколку. Эрик перехватил ее взгляд. Кажется, ему все стало ясно.

– Из-за Вивьен? – спросил он, вздохнув. – Джесс, девочка моя, прошлое уже не вернуть. Тебе нужно смириться и жить дальше.

Он подобрал заколку и положил ее на туалетный столик, а девушка села на кровать, устало закрыв лицо руками.

– Иногда я думаю, что на месте Вивьен могла оказаться я, – услышал Эрик приглушенный голос невесты. И куда только делась та уверенная в себя стильная девушка из модного журнала? Перед ним сидела отчаявшаяся девчонка в ночной рубашке из желтого хлопка.

– Ну что ты, не говори глупости, – сказал он тихо.

– А иногда думаю, что на ее месте должна была оказаться я, – глухо закончила Джесс.

Эрик едва слышно выдохнул и опустился на кровать рядом с девушкой.

– Это говоришь не ты, – он обнял ее и прижал к своему плечу. – Это говорит твоя депрессия.

– А потом он убил еще кого-то, верно? – продолжала Джесс. – Неподалеку от больницы, в которую я попала после аварии. А если я стану следующей?

– Ты выдумываешь, Джесс. Это просто навязчивые страхи. Я знаю неплохого психотерапевта, – мягко сказал Эрик. – Может быть, мы съездим к нему?

Джесс пожала плечами.

– Ты не должна раскисать из-за Вивьен, милая, – продолжал он, успокаивающе ее поглаживая. – Она бы этого не хотела.

Он говорил слова утешения, гладил ее по волосам, пытался поцеловать – Джесс упорно уворачивалась, твердя, что не чистила зубы, и в конце концов обнял, прижимая к себе. Обнимая девушку, Эрик смотрел прямо в зеркало стоящего напротив туалетного столика, и лицо его было неподвижным, а глаза казались голубым стеклом.

Джесс успокоилась, привела себя в относительный порядок, и они вместе поехали в больницу на осмотр. Остаться дома у Джесс уже почти не было сил, и она, придя в себя, решила, что наверняка развитию ее болезненного состояния способствует постельный режим. Обычно занятая и энергичная, сейчас она вынуждена была лежать в постели, отбиваясь от мучительных мыслей о прошлом.

Домой Джесс возвращалась почти радостной и впервые за много дней улыбалась. Доктор признал, что она в относительном порядке, и после выходных девушка собиралась выйти на работу, чтобы вновь влиться в прежнюю жизнь, забыв обо всем. Детали пугающе-реалистичного сновидения постепенно стирались из головы, и к вечеру это был лишь очередной кошмар в ее памяти.

В больнице ей прописали более сильные седативные средства и снотворное, узнав, что у Джесс проблемы со сном и нервами.

– У вас сотрясение головного мозга, мисс Мэлоун, – медленно говорил, сложив руки на животе, доктор Стюарт М. Хендерс – грузный мужчина в годах с седой роскошной шевелюрой. – Пусть легкое, и магнитно-резонансная томография не выявила патологий, но стоит помнить, что любая травма мозга может привести к весьма необычным последствиям. Головные боли, раздражительность, бессонница, сверхчувствительность, проблемы с памятью, концентрацией, агрессией – это далеко не все.

– А могут быть галлюцинации? – спросила живо Джесс.

– Могут быть галлюцинации, – согласно кивнул доктор Хендерс. – Клаустрофобия. Кратковременные потери памяти. Симптоматика широка.

– У меня этого нет, – тотчас откестилась девушка. – Мне лишь постоянно... страшно, – сказала она тихо. И отвела взгляд, словно призналась в том, что сумасшедшая.

– Беспричинный страх – одно из последствий сотрясения. Мисс, Мэлоун, у вас развивается невроз на почве физической и эмоциональной травмы, связанной, как я полагаю, со смертью вашей подруги. Я бы советовал вам не только медикаментозное лечение. Вам стоит пройти курс психотерапии.

Джесс слушала и кивала.

В стерильном квадратном кабинете доктора ей было не страшно. Здесь она не верила во всю эту чертовщину.

Она верила в силу современной медицины.

В науку.

В себя.

Она почти забыла о том факте, что чувствовать страх и видеть галлюцинации она начала

еще до смерти Вивьен и аварии. Тогда, когда все было хорошо.

Доктор Хендерс выписал ей необходимые лекарства, посоветовал беречь себя и чаще отдыхать и выпроводил со вздохом облегчения, который Джесс все равно не услышала. Она отправилась вниз, к ждущему ее Эрику, по пути разговаривая с матерью.

Джесс надеялась, что все будет хорошо.

Что все забудется, и она начнет подготовку к свадьбе.

Что ее отношение к Эрику вновь станет прежним и она забудет о Бренте.

Что кошмары уйдут.

Когда она уходила, ей показалось, что ее поцеловали в щеку и коснулись запястья – мимолетом.

Во всем виновата травма головы. И только.

* * *

Едва лишь за темноволосой пациенткой, похожей на изнеможенную куколку, закрылась дверь, как доктор Хендерс вскочил со своего места. Маска благонадежности слетела с его чопорного лица, уступив место негодованию и страху.

Тому самому, о котором он только что рассказывал Джесс Мэлоун, уча ее с ним бороться.

Страх ослаблял, сдерживал, давил на шею, как туго завязанный галстук, и мужчина рванул галстук так, что затрещали нити.

Легче не стало.

Незаметная дверь, за которой находилась комната отдыха, отворилась.

В кабинет неспешно вошел высокий молодой мужчина со светлыми волосами, торчащими из-под кепки. Ее козырек закрывал ему пол-лица.

– Молодец, док. Грамотный специалист, – сказал он, улыбнувшись. На щеках появились ямочки, которые девушки находили обворожительными. – Вы выписали ей те лекарства, о которых я вам говорил?

– Да, – скрипнул зубами доктор Хендерс. – Вы оставите меня в покое?

– Мне жаль, если я нарушил ваш покой, док. Очень жаль.

Голос незнакомца в кепке казался бархатным, и обращался он к доктору делано почтительным тоном, однако было в нем нечто едкое. И опасное.

– Убирайтесь! – зло рявкнул доктор Хендерс, усаживаясь с размаха в кресло. – Я сделал то, что хотели вы! Оставьте меня в покое! И никогда не приближайтесь к моей дочери! Вон!

И тотчас отпрянул, вдавливая грузное тело в кресло – гость с легкостью, как кошка, запрыгнул на стол, сидя на четвереньках и склонив голову к плечу. Доктор не видел его глаз, скрытых козырьком кепки и прядями светлых волос, упавших на лоб, но чувствовал, как в нем прожигают дыру.

Его охватило чувство совершенно иррационального страха.

– Не стоит мне хамить, док, – ласково прошептал мужчина и схватил доктора Хендерса за подбородок. – Вы ведь цените свою скромную никчемную жизнь? Жизнь, направленную на служение во благо другим, а, док?

Тот закивал, словно загипнотизированный этим проникновенным бархатным голосом.

– Если цените, никто и никогда не узнает, что вы выписали маленькой мисс Мэлоун

совсем не те лекарства, что должны были, по моей не менее маленькой, почти ничтожной, – губы его растянулись в коварной зловещей улыбке, – просьбе. Верно?

Доктор Хендерс вновь закивал, чувствуя, как цепенеет. Чертов придурок наверняка обладал особым методом гипноза, которому его мозг не в силах был противостоять.

Молодой мужчина выпрямился и легко спрыгнул на пол.

– Отлично! Никому не говорите о том, что совершили крохотное врачебное преступление, док, – спокойно сказал он и направился к двери, засунув руки в карманы джинсов и насвистывая что-то. Коснувшись дверной ручки, он обернулся: – Кстати, я пошутил. Я не знаю вашу дочь.

И с этими словами вышел, аккуратно прикрыв дверь, словно ничего и не было.

«Надо было сразу вызвать охрану», – подумал вдруг доктор Хендерс устало.

Почувствовав, как влияние ненормального гостя на его сознание слабеет, он выдохнул и вдруг замер, пойдя пятнами. Крик застрял в его горле.

Дверь вновь распахнулась, и в кабинет заглянуло пугало – настоящее садовое пугало, в которое, казалось, вселился кто-то. Глаза его горели, пальцы-коренья шевелились, поглаживая дверную ручку.

– А-а... А-а-а... – только и мог выговорить доктор, тыкая в него пальцем и белея от ужаса.

– А если узнает, – зашептало пугало ватным скрежещущим голосом, – я позабочусь о том, чтобы ваши кошмары стали реальностью, доктор Хендерс.

Белая стена за спиной пугала вдруг зашевелилась, пошла синими и зелеными пятнами, как в калейдоскопе, и превратилась в морскую воду, которую сдерживал лишь тонкий слой стекла – словно в океанариуме. Пугало ткнуло в стену крючковатым пальцем, который оказался невероятно острым и сильным. По стене пошли трещины, образуя паутину.

– Нет... – прошептал доктор Хендерс, отчетливо понимая, что сейчас будет, и хватаясь пальцами за край стола. – Нет!

Пугало показало ему большой палец, словно поддерживая, поклонилось слегка и вышло, громко хлопнув дверью.

Трещины вздулись. Стекло, не выдержав, лопнуло, не выдержав напора стихии.

Дикие холодные волны моментально поглотили комнату и человека, находившегося в ней, заглушив бессвязные крики.

Доктор Хендерс панически боялся воды. И Пугало отлично знало это.

Молодой мужчина, что вышел из его кабинета, кажется, тоже знал это. По крайней мере, казалось, только он услышал вопли дока, погребенного тоннами воды, однако это его не сильно смутило. Он шагал по больничному коридору, на ходу кивая врачебному персоналу, как старым знакомым. Те отвечали, видимо, принимая за своего коллегу.

Ему нравились медики. Нравилась медицина. И запах, который всегда источало любое лечебное учреждение, тоже нравился. Он казался почти родным.

Мужчина на ходу коснулся указательным пальцем своих губ, которые недавно коснулись его малышки.

Вкус ее кожи до сих пор оставался сладким.

Она вся была слишком сладкой и в наказание должна была постигнуть вкус горечи.

Мужчина улыбнулся. И в его улыбке была неприкрытая нежность. Не солнечная, светлая и добрая, а темная, изысканная, с привкусом викторианства.

Молоденькая медсестра, которая спешила навстречу с кипой медицинских карт,

подумала, что эта улыбка предназначалась ей, и он не стал ее переубеждать. Дотронулся до ее тонкого запястья, останавливая, и подмигнул.

Девушка замерла на месте, замороженно глядя на молодого привлекательного мужчину. В нем не было ничего особенно примечательного – разве что кепка цепляла взгляд, но это почти магическое обаяние, которое он буквально источал, подействовало на нее с какой-то неведомой силой.

Она не сопротивлялась, когда он притянул ее к себе за талию, заставляя уронить карты на пол, и поцеловал – жадно, жарко, требовательно. И она старательно отвечала, не зная, что за наваждение охватило ее, но получая удовольствие от каждого его прикосновения.

Они оба не обращали внимания на удивленно-осуждающие взгляды посторонних.

Ее голова пошла кругом от внезапного поцелуя с незнакомцем. Девушка схватила его за плечи, боясь упасть и чувствуя, что готова сейчас уйти вместе с ним – в любую свободную палату.

А он вдруг оттолкнул ее в сторону – так, что она едва не упала. Сплюнул и, ни слова не говоря, пошел дальше.

Не те губы. Не тот вкус.

Не она.

Мужчина вышел к стоянке тогда, когда Джесс и ее светловолосый и голубоглазый сопровождающий, вызывающий рвотный рефлекс, садились в машину. Эрик открыл перед ней дверь, точно джентльмен, и, когда захлопнул, поднял голову, почувствовав, что в его затылке прожигают дыру.

Их взгляды встретились.

Голубые глаза смотрели с неприязнью.

Темно-серые – с любопытством.

Они еще встретятся – и знали об этом оба.

Машина резко выехала со стоянки.

И ничего не произошло. Только тучи хмурились и похолодало.

Вечером на улице пошел снег: ранний, легкий, невесомый, он мягко стелился по газонам, оседал паутиной на деревьях и облизывал крыши, делая их одинаково белыми.

Снегопад не прекращался несколько дней. Выпало месячное количество осадков, всюду случались заторы, кое-где начались проблемы с электричеством, и это вытеснило из новостей даже серийного убийцу, которого прознавшие обо всем газетчики успели окрестить Убийственным Холодом – он добрался еще до одной жертвы.

Джесс стало лучше – лекарства, выписанные доктором Хендерсом, помогли избавиться от проблем со сном, да и галлюцинаций она больше не видела.

Никаких чудовищ. Никаких пугал. Но страх схоронился где-то в груди и полностью не уходил.

Ее еще раз вызывали в полицейский участок, вновь задавали множество вопросов, и теперь свидетельский допрос вел не обычный детектив, а капитан: жилистый мужчина с прищуренными глазами и трехдневной щетиной. Он возглавлял отдел убийств, но сам выглядел как человек, способный на убийство.

Спустя несколько часов, когда Джесс уже была вымотана, ей показали фотографии нескольких мужчин – первых подозреваемых. Но ни одного из них она никогда не видела.

– Вы уверены, что не встречали этого человека? – с нажимом спросил капитан, сидя перед Джесс – их разделял только стол, на котором стояли пустые стаканчики из-под кофе.

Девушка еще раз взгляделась в нечеткий снимок мужчины, сделанный, судя по всему, уличной камерой. Кажется, высокий, с широкими плечами, но черт лица не разглядеть: одну половину закрывает козырек кепки, вторую – медицинская повязка.

– Не встречала. Никогда.

Джесс сомкнула пальцы в замок – до боли. Она чувствовала себя не свидетелем, а жертвой – в этот раз стены участка давили на нее с большей силой. Здесь явно что-то происходило. Что-то было не так.

Ей казалось, что полиция что-то скрывает. Что-то недоговаривает. Нервничает.

– Он следил за вами, – поведал вдруг капитан, внимательно следя за реакцией Джесс.

– Что? – не сразу поняла она. – За мной?

– В ту ночь он весь вечер сидел неподалеку от вашего столика. Когда вы вышли из клуба вместе с мисс Батчелдер, отправился следом за вами, стоял неподалеку. Когда за вами приехало такси, он сел в машину и поехал следом за вами, мисс Мэлоун.

Джесс была шокирована.

– Это не может быть случайностью? – спросила она, но по холодным пронизательным глазам полицейского поняла, что нет.

– Мы основываемся на записях камер наблюдения, – ответил он.

– Я не знаю, что и подумать, – пробормотала Джесс потрясенно, автоматически потянувшись к стаканчику кофе. Обнаружив, что он пустой, девушка в порыве чувств смяла его.

– Подумайте хорошенько, мисс Мэлоун, – капитан не сводил с нее глаз, под которыми пролегли темные круги. – Возможно, это ваш бывший любовник, которого вы отвергли, и ничего общего с убийством мисс Батчелдер не имеет. Но мы не можем исключать вероятности, что этот человек связан с произошедшим. К тому же, – намекнул мужчина, –

убийство Энис Фостер произошло неподалеку от больницы, в которой вы находились после аварии. Возможно, это ничего не значит, но возможно, это не просто совпадение. Мы должны проверить все версии, – жестко подвел он итог собственным словам, явно запугивая Джесс.

Она понимала его – полицейский департамент Нью-Палмера стоял на ушах из-за шумихи с Убийственным Холодом, на них давили и требовали найти убийцу власти и общественность. Но сейчас ей вдруг стало зло. Верить в то, что она как-то связана с убийством Вивьен, категорически не хотелось.

Нет, она не виновата, что ее больше нет в живых.

– Мой бывший любовник пропал без вести, – вдруг жестко сказала Джесс, уцепившись за это слово.

– Когда? И назовите его имя, – потребовал капитан.

Джесс взлохматила и без того растрепанные темные волосы. Раньше она себе не позволяла ходить с такой прической. Нужно снова взять себя в руки.

– Мисс Мэлоун?

Вместо ответа она криво улыбнулась.

– Мисс Мэлоун! – рявкнул капитан, теряя терпение. – Я жду ответа. Я ни в чем вас не обвиняю, я ни в чем не обвиняю вашего любовника – если это вас так задело, я просто хочу проработать все версии. Тысячи часов просмотренных видеозаписей, сотни опрошенных свидетелей – мы работаем над этим делом и днем и ночью. И мне нужно выяснить, черт побери, что за тип следил за вами в ту ночь, раз уж мы узнали об этом из камер видеонаблюдения!

– Извините, – ответила Джесс. – Но не стоит повышать на меня голос. Я тоже устала. У меня было сотрясение мозга. И эмоциональная травма. Черт побери, – добавила она с неуместной иронией.

[Купить полную версию книги](#)